

**Современный
Гуманитарный
Университет**

Дистанционное образование

Рабочий учебник

Фамилия, имя, отчество _____

Факультет _____

Номер контракта _____

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

ЮНИТА 1

ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА.
ПРИРОДА И КАЧЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА

МОСКВА 1999

Рекомендовано Министерством
общего и профессионального
образования Российской
Федерации в качестве учебного
пособия для студентов высших
учебных заведений

КУРС: ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Юнита 1. Психология как наука. Природа и качественные особенности психики человека.

Юнита 2. Строение и социокультурная регуляция деятельности.

Юнита 3. Личность и ее индивидуально-психологические особенности.

Юнита 4. Теории личности.

Юнита 5. Психология эмоциональных явлений.

Юнита 6. Психология мотивации.

Юнита 7. Психология ощущений.

Юнита 8. Психология восприятия.

Юнита 9. Память.

Юнита 10. Внимание.

Юнита 11. Психология мышления.

Юнита 12. Психология речи.

ЮНИТА 1

В пособии рассмотрены основы общей психологии как науки, становление предмета психологии, природа и качественные особенности психики человека.

Для студентов Современного Гуманитарного Университета

Юнита соответствует образовательной профессиональной программе № 2

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН	4
ЛИТЕРАТУРА	5
ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР	6
1. Общая характеристика психологии как науки	6
1.1. Значения термина «психология»	6
1.2. Психология и философия	11
1.3. Психология как естественнонаучная и гуманитарная дисциплина	19
2. Становление предмета психологии	27
2.1. Явления сознания как предмет исследования	27
2.2. Предмет и задачи психологии поведения	33
2.3. Проблема бессознательного в психоанализе	37
2.4. Категория деятельности в психологии. Принципы единства сознания и деятельности	41
3. Природа и качественные особенности психики человека	48
ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ	59
ГЛОССАРИЙ*	

* Глоссарий расположен в середине учебного пособия и предназначен для самостоятельного заучивания новых понятий.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

Общая характеристика психологии как науки: значения термина “психология”; психология и философия; психология как естественнонаучная и гуманитарная дисциплина.

Становление предмета психологии: явления сознания как предмет исследования; предмет и задачи психологии поведения; проблема бессознательного в психоанализе; категория деятельности в психологии; принцип единства сознания и деятельности.

Природа и качественные особенности психики человека: приспособительная роль психики в биологической эволюции; критерии психического; эволюция психического отражения.

ЛИТЕРАТУРА

Базовая

- * 1. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1988.

Дополнительная

- * 2. Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. М., 1995.
- * 3. Петухов В.В., Столин В.В. Психология: Метод. указ. М., 1989.
- 4. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1976.
- 5. Годфруа Ж. Что такое психология. Т.1,2. М., 1992.
- 6. Коломинский Я.Л. Человек: психология. М., 1986.
- 7. Джеймс У. Психология. М., 1991.
- 8. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 1993.
- 9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т.1,2. М., 1989.
- 10. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление личности. М., 1994.
- 11. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
- 12. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
- 13. Фабри К.Э. Основы зоопсихологии. М., 1976.
- 14. Тинберген Н. Поведение животных. М., 1980.
- 15. Крушинский Л.В. Биологические основы рассудочной деятельности. М., 1984.
- 16. Келер В. Интеллектуальное поведение человекоподобных обезьян. М., 1930.

Примечание. Знаком (*) отмечены работы, выдержками из которых сформирован тематический обзор.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ

1.1. Значения термина “психология”

При характеристике любой науки необходимо разъяснить ее теоретические основания, предмет изучения, показать исследовательские возможности, практические приложения полученных результатов. Начнем знакомство с психологическим знанием с анализа самого термина “**психология**”. Этот термин, образованный от греческих слов *psyche* - душа, *psychika* и *logos* - знание, осмысление, изучение, имеет несколько значений.

Так, в первом, дословном своем значении психология - это знание о психике, наука, изучающая ее. **Психика** есть форма активного отображения субъектом объективной реальности, возникающая в процессе взаимодействия высокоорганизованных живых существ с внешним миром и осуществляющая в их поведении (деятельности) регулятивную функцию.

Область психического широка и разнообразна: это и отражение простейшими животными тех отдельных свойств окружающей среды, которые оказываются значимыми для поиска жизненно важных веществ, и сознательные представления сложных связей природного и социального мира, в котором живет и действует человек, и психическая регуляция движений, и неосознаваемые психические процессы.

Сознанием обычно называют свойственный человеку способ отношения к объективной действительности, опосредованный всеобщими формами деятельности людей.

Во втором, наиболее распространенном значении, слово “психология” относят и к самой психической, “душевной” жизни, выделяя тем самым особую реальность. Если свойства психики, сознания, психические процессы обычно характеризуют человека вообще, то особенности психологии - конкретного индивида. Психология проявляется как совокупность типичных для человека (или групп людей) способов поведения, общения, познания окружающего мира, убеждений и предпочтений, черт характера. Так, подчеркивая различия людей того или иного возраста, профессиональной, половой принадлежности, говорят, например, о психологии школьника, студента, рабочего и ученого, женской психологии и т.п.

Понятно, что общей задачей психологической науки является изучение как психики субъекта, так и его психологии.

В системе наук психологии должно быть отведено совершенно особое место, т.к., во-первых, это наука о самом сложном, что пока известно человечеству, - о психике. Во-вторых, психология находится в особом положении потому, что в ней сливаются объект и субъект познания. Психология как наука возникла только на том уровне культуры, когда человек задал себе вопросы: что это за силы, которые дают ему возможность творить, исследовать и подчинять себе мир, какова природа его разума, каким законам подчиняется его внутренняя, душевная жизнь? Этот момент был рождением самосознания человечества. Поэтому задачи психологии неизмеримо сложнее задач любой другой науки, ибо только в ней мысль совершает поворот на себя. Только в ней научное сознание человека становится его научным самосознанием. В-третьих, особенность психологии заключается в ее уникальных практических следствиях:

* Жирным шрифтом выделены новые понятия, которые необходимо усвоить. Знание этих понятий будет проверяться при тестировании.

познавая себя, человек себя изменяет. Психология уже сейчас накопила много фактов, показывающих, как новое знание человека о себе делает его другим: меняет его отношение, цели, его состояния и переживания.

Существуют две разных области психологического знания - научная и житейская, обыденная психология. Если научная психология возникла сравнительно недавно, то житейское психологическое знание всегда было включено в различные виды человеческой практики. Каждый из нас имеет запас житейских психологических знаний. Есть даже выдающиеся житейские психологи. Это, конечно, великие писатели, а также некоторые представители профессий, предполагающих постоянное общение с людьми: педагоги, врачи, священнослужители и др. Об уровне житейских психологических знаний можно судить по тому, как человек может понять другого, повлиять на его поведение, предсказать его поступки, учесть его индивидуальные особенности, помочь ему и т.п. Сравним житейскую и научную психологию.

Первое отличие: житейские психологические знания конкретны; они приурочены к конкретным ситуациям, конкретным людям, конкретным задачам. Если ситуативные выводы противоречат один другому (например, едва ли найдется пословица, к которой нельзя подобрать другую, обратную по значению), то житейскую мудрость это не смущает, ей нет нужды стремиться к единообразию. Научная же психология, как и всякая наука, стремится к обобщениям, систематизируя знания в форме логически непротиворечивых положений, аксиом и гипотез. Для этого она использует научные понятия. Отработка понятий - одна из важнейших функций науки. В научных понятиях отражаются наиболее существенные свойства предметов и явлений, общие связи и соотношения. Научные понятия четко определяются, соотносятся друг с другом, связываются в законы, защищая научный психологический опыт от “засорения” житейскими ассоциациями. Особенность научных психологических понятий состоит в частом совпадении с житейскими по своей внешней форме, т.е., попросту говоря, употреблении тех же слов. Однако значения этих слов, как правило, различны. Житейские термины обычно более расплывчаты и многозначны.

Второе отличие житейских психологических знаний состоит в том, что они носят интуитивный характер. Это связано с особым способом их получения: они приобретаются путем практических проб и ошибок. Научная психология базируется на опыте, который с самого начала является абстрагированным от многих деталей, понятийно оформленным. Отличны и пути, методы познания - целенаправленного, систематического, инструментально оснащенного. Для научного психолога удачная догадка становится гипотезой, допускающей экспериментальную проверку. Конечно, эксперимент возможен и в житейской психологии, и люди часто прибегают к этому эффективному средству получения необходимой информации (не ожидая подходящего случая, а активно организуя его). Однако научно-психологические эксперименты отличаются не только большей строгостью своих гипотез, но и условиями проведения. В современной психологии эти условия нередко отдалены от жизненной конкретности и даже могут искажать ее. Отличаются и результаты экспериментов: ученым нередко приходится отказываться от собственных обыденных представлений, “не веря своим глазам”.

Следует обратить внимание на то, что в первых научных описаниях психических явлений исследователи привлекали свой личный опыт. Однако главная ценность этих описаний состоит не только в их пронизательности и детальности, а в том, что они оказались удачными обобщенными схемами для постановки научно-исследовательских задач.

Третье отличие состоит в способах передачи знаний и даже в самой

возможности их передачи. В сфере практической психологии такая возможность весьма ограничена, т.к. обыденные знания не фиксируют реальные условия, в которых они были получены, а эти условия как раз и являются решающими при попытке использовать известное другим человеком и в новой ситуации. Поэтому так часто ошибки отцов повторяются их детьми. Собственный опыт, соразмеренный со своими возможностями и специфическими условиями, приходится переживать и накапливать заново.

Иное дело - опыт научной психологии. Хотя он и не столь обширен как житейский, зато содержит информацию об условиях, необходимых и достаточных для воспроизведения тех или иных явлений. Полученные знания упорядочены в научных теориях и передаются путем усвоения обобщенных, логически связанных положений, которые служат основанием для выдвижения новых гипотез.

Четвертое различие состоит в том, что научная психология располагает обширным, разнообразным и подчас уникальным фактическим материалом, недоступным во всем своем объеме ни одному носителю житейской психологии. Материал этот накапливается и осмысливается, в том числе в специальных отраслях психологической науки. В них, имея дело с различными стадиями и уровнями психического развития животных и человека, с дефектами и болезнями психики, с необычными условиями труда - условиями стресса, информационных перегрузок или, наоборот, монотонии и информационного голода и т.п. - психолог не только расширяет круг своих исследовательских задач, но и сталкивается с новыми неожиданными явлениями.

Итак, **научная психология** является системой теоретических (понятийных), методических и экспериментальных средств познания и исследования психических явлений. По сравнению с психологией житейской (донаучной) она представляет собой переход от неограниченного и разнородного описания этих явлений к их точному предметному определению, к возможности методической регистрации, экспериментального установления причинных связей и закономерностей, обеспечения преемственности своих результатов. "Психология и очень старая, и совсем еще молодая наука, - писал один из основателей советской психологии С.Л.Рубинштейн (1889-1960). - Она имеет за собой 1000-летнее прошлое, и, тем не менее, она вся еще в будущем. Ее существование как самостоятельной научной дисциплины исчисляется лишь десятилетиями, но ее основная проблематика занимает философскую мысль с тех пор, как существует философия. Годам экспериментального исследования предшествовали столетия философских размышлений, с одной стороны, и тысячелетия практического познания психологии людей - с другой" (Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940. С.37). Вслед за Рубинштейном становление и развитие психологической науки можно представить в виде пирамиды - символа поступательного, прогрессивного движения: тысячелетия практического опыта, столетия философских размышлений, десятилетия экспериментальной науки.

Теперь, когда мы убедились в целом ряде преимуществ научной психологии перед житейской, уместно поставить вопрос: а какую позицию научные психологи должны занять по отношению к носителям житейской психологии?

Существует ошибочная позиция, согласно которой проблемы человеческой жизни ставятся на второй план по сравнению с рефлексам, нейронами, психическими процессами и др. Эта позиция может возникнуть из-за того, что научный психолог вынужден в процессе своего образования сделать шаг в мир отвлеченных общих понятий, он вынужден вместе с научной психологией, образно

* В пробику (лат.)

говоря, загнать жизнь *in vitro**, “раззять” душевную жизнь “на части”. Он может забыть, с какой целью делались эти необходимые шаги, какой путь предполагался дальше, забыть или не дать себе труда осознать, что великие ученые - его предшественники - вводили новые понятия и теории, выделяя существенные стороны реальной жизни, предполагая затем вернуться к ее анализу с новыми средствами.

История науки, в том числе психологии, знает немало примеров того, как ученый в малом и абстрактном усматривал большое и жизненное. Когда И.П.Павлов впервые зарегистрировал условнорефлекторное отделение слюны у собаки, он заявил, что через эти капли мы в конце концов проникнем в муки сознания человека. Выдающийся советский психолог Л.С.Выготский увидел в “курьезных” действиях типа завязывания узелка на память способы овладения человеком своим поведением.

В конечном счете научный психолог должен быть одновременно хорошим житейским психологом. Иначе он не только будет малополезен науке, но и не найдет себя в своей профессии, попросту говоря, будет несчастен.

Связь научной психологии с практикой также характеризуется точностью постановки прикладных задач и методов их решения. Как правило, такие задачи порождались трудностями, возникающими во внепсихологических областях, а их устранение выходило за пределы компетенции соответствующих специалистов. Заметим также, что прикладные отрасли могли появляться независимо (в том числе и во времени) от становления общепсихологической науки.

Так, например, в 1796 г. в Гринвиче был уволен сотрудник обсерватории за грубую ошибку (почти в секунду) в определении местоположения звезды. Применявшийся в то время метод решения этой задачи (метод Бредли) состоял в следующем. Нужно было регистрировать моменты прохождения звезды по координатной сетке телескопа, отсчитывая при этом секунды и отмечая (вычисляя) положение звезды секундой раньше и секундой позже ее прохождения. Астроном из Кенигсберга Бессель пришел к выводу, что ошибка сотрудника не была следствием небрежности. В 1816 г. он опубликовал результаты своих 10-летних наблюдений за временем реакции человека. Оказалось, что время двигательной реакции является весьма изменчивой характеристикой и различия между людьми равны примерно 1 с. Так из разъяснения досадной “ошибки”, связанной с особенностями организма конкретного человека, возникла дифференциальная психология, изучающая и измеряющая индивидуальные различия людей. Интересно, что именно ошибкам человека при выполнении той или иной деятельности, проблемам “человеческого фактора” обязаны своим появлением многие отрасли психологии. В ответ на трудности управления современной высокосовременной техникой человеком-оператором возникла инженерная психология. Изучение трудностей в обучении и воспитании, кризисов развития человека в определенные периоды его жизни положило начало педагогической и возрастной психологиям.

Отрасли психологии можно различать по нескольким критериям. Во-первых, по сферам деятельности (в частности, профессиональной), нужды которых они обслуживают, т.е. по тому, что делает человек: психология труда, инженерная, педагогическая и др. Во-вторых, по тому, кто именно эту деятельность выполняет, является ее субъектом и вместе с тем объектом психологического анализа: человек определенного возраста (детская и возрастная психология), группы людей (социальная психология), представитель той или иной национальности (этнопсихология), пациент психиатра (патопсихология) и т.д. Наконец, отрасли психологии могут определяться по конкретным научным проблемам: проблема связи нарушений психики с мозговыми поражениями (нейропсихология), психических и физиологических процессов (психофизиология).

В реальной работе психолога научные отрасли широко взаимодействуют. Например, психолог на производстве должен обладать знаниями как инженерной психологии (или же психологии труда), так и социальной. Психологическая сторона работы школьного психолога относится одновременно к сферам возрастной и педагогической психологии. Разработка практических приложений нейропсихологии - прежде всего проблемы реабилитации больных с мозговыми поражениями, полученными в различных видах профессиональной деятельности, - требует знания психологии труда.

Многообразны формы сотрудничества научной и житейской психологии, типичный пример которых - психотерапевтический сеанс. Терапевт не может создать и передать пациенту новые способы освоения своего аффективного прошлого, разрешения внутренних конфликтов. Пациент строит эти способы только сам, а терапевт помогает, провоцирует их открытие и присутствует при нем, как врач при рождении ребенка. Он уточняет условия открытия, пытается объяснить его закономерности. Итогами такого сотрудничества являются, с одной стороны, полноценная жизнь здорового человека, с другой - развитие центрального раздела психологической науки - психологии личности.

Возможны удачные случаи самотерапии, самостоятельного осмысления и преодоления тяжелых душевных недугов, когда научный и житейский психологи как бы совмещаются в одном человеке. Например, М.М.Зощенко в "Повести о разуме" проводит психологический анализ источников собственного личностного кризиса. Он подробно исследует варианты скрытого содержания аффектогенных символов, сновидений и состояний (протянутая рука нищего, рев тигра, отвращение к еде и т.д.), затем постепенно определяет (не "вспоминает", а именно определяет) перенесенную в раннем детстве травму и благодаря ее сознательному освоению достигает самоизлечения. Испытанные им на себе приемы обогащают арсенал практических методов психотерапии.

Нередко различные терапевтические приемы содержат в своей основе житейские эмпирические правила управления поведением и лишь затем получают выражение в теоретических понятиях. Так, например, широко известна закономерность: чрезмерное желание, стремление к какой-либо цели препятствует ее достижению. Так, австрийский психолог В.Франкл считает многие невротические расстройства - случаи заикания, нарушения моторики и т.д. (при объективной сохранности двигательной сферы) - следствием именно гипернаправленности человека, мешающей преодолеть недуг. Предложенный им терапевтический прием основан на житейском правиле - "бороться с врагом его же оружием": следует пожелать как раз того, от чего на самом деле человек хочет отказаться, и чем, к несчастью, обладает. Один из пациентов Франкла, по профессии бухгалтер, страдал судорогами мышц руки и очень плохо писал. Профессиональная непригодность приводила его к крайне тяжелому общему состоянию. Выход же оказался неожиданным: пациента попросили написать что-нибудь как можно хуже, т.е. показать, что он может нацарапать такие каракули, которые никто не разберет, - и человек излечился от недуга. Затем этот прием был обобщен в теоретическом понятии "парадоксальной интенции (стремления)".

Интересны влияния научных понятий и концепций на житейские представления людей о своей психической жизни. Средствами такого представления стали, в частности, некоторые понятия психоанализа ("архетип", "внутренняя цензура", "бессознательное"), термины, предложенные для описания эмоциональной сферы ("стресс"), защитных механизмов личности ("компенсация",

“замещение”, “рационализация”, “вытеснение”). Попадая в разговорную речь, эти термины получают содержания, не всегда относящиеся к их первоначальному смыслу, но они оказываются эффективными средствами осмысления и даже открытия (построения) человеком собственных индивидуальных средств.

Таким образом, научная и житейская психологии, сохраняя принципиальные различия, вступают в необходимые взаимные связи. Психологическая наука, развитие которой можно, вслед за С.Л. Рубинштейном, представить в виде пирамиды, сильна своим основанием. Житейское осмысление разнообразной психической реальности не исчезает с появлением специальной науки, но является, напротив, постоянным источником ее жизнеспособности. Вместе с тем научные достижения активно проникают в обыденную жизнь, предлагая новые, эффективные средства понимания ее законов, воспитания и развития личности.

1.2. Психология и философия

Не так давно психология или вообще не отделялась от философии, или считалась ее частью. И только в конце XIX в., а именно в 1879 г., появилась научная психология, не зависящая от философии.

В этом году были открыты сначала лаборатория, а затем Институт психологии в Лейпциге, основателем которых был В.Вундт (1832-1920). Согласно Вундту, предметом изучения психологии является не сознание, а именно состояния сознания, связи и отношения между ними, законы, которым они подчиняются. Вундт строил психологию как экспериментальную науку по образцу современных ему естественных научных дисциплин - физики, химии, биологии. Так, он полагал основным элементом сознания отдельное ощущение. В экспериментальном инструментарии центральное место занимал прибор, хорошо знакомый начинающим музыкантам - метроном. Ощущение - это состояние сознания, которое возникает у человека, когда он слышит один удар метронома (восприятие двух ударов соответствует уже более сложному элементу сознания - представлению). Если сравнить представление о сознании человека в философии и ту психическую реальность, которую можно изучать с помощью данного простого прибора, то можно сделать вывод: богатство духовного опыта, тончайшие оттенки человеческих переживаний сводятся к элементарным состояниям. Между тем, используя метроном, Вундт выделил ряд основных свойств сознания, в том числе его чувственные элементы, изучил его структуру и объем. Современная психология далеко ушла от механицизма Вундта, однако принцип научного абстрагирования и упрощения предмета исследования не потерял своей актуальности.

Однако прошел еще один век, и сейчас взгляды многих психологов вновь обернулись к философии - как современной, так и античной. Психологи конца XX в. пытаются найти выход из кризиса современной психологической науки в произведениях М.К.Мамардашвили, М.М.Бахтина, А.Ф.Лосева, а также Платона, Аристотеля, Демокрита и других.

В этом подразделе мы попытаемся понять притягательность философских построений для психологов, ознакомившись с источником современной психологии (имеются в виду европейская и американская традиции) - античной философией.

В рамках античной философии были впервые сформулированы представления о предмете психологии - она тогда была наукой о душе.

1.2.1. Представления о душе в досократической философии

1. Ионийская традиция.

Одни из наиболее древних представлений, которые до нас дошли, - это взгляды представителя Милетской школы (Милет - город в Малой Азии) Фалеса. Фалес считался одним из “семи мудрецов”, которые осмысливали некоторые философские проблемы в форме еще не собственно философских учений, а афоризмов, близких к народной мудрости. Фалесу приписывают авторство изречения “Познай самого себя”, начертанного над входом в храм Аполлона в Дельфах, которое так любили повторять многие философы. Фалес полагал душу двигательным началом. Он наделял душой даже неодушевленное, заключая о всеобщей одушевленности по магниту и янтарию. Космос Фалес полагал одушевленным и полным божественных сил.

Об ученике Фалеса Анаксимандре мало что известно; однако многие философы подчеркивают материалистический характер его учения. Анаксимандр оставил в качестве ученика и преемника Анаксимена, который все причины вещей видел в бесконечном воздухе. Известно такое высказывание Анаксимена: “Как душа наша..., сущая воздухом, скрепляет нас воедино, так дыхание и воздух объемлют весь космос”. В этих высказываниях о душе у милетцев видны первые попытки научного, т.е. объективного и детерминистского, подхода к объяснению души, свободного от мифологических наслоений, где всегда предполагаются сверхъестественные причины тех или иных явлений.

К ионийской философии относят и философа из Эфеса, соседнего с Милетом полиса, Гераклита, который говорил: “Все течет, все изменяется”. Началом всего Гераклит полагал огонь: “Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий”. Материя и движение, таким образом, по Гераклиту, неотделимы друг от друга. Эта неотделимость вещественно-материального и закономерно-разумного аспектов мироздания переносится и на человеческую душу. В вещественном плане она представляет собой огненное начало, к которому может примешиваться “влажное начало”. Душа тем лучше, чем более она огненна, а вот у пьяных и чувственно развращенных людей она, наоборот, влажна. “Не к добру людям исполнение их желаний”, - замечает по этому поводу Гераклит [6, с.234]. Лучшие люди одно предпочитают всему: “вечную славу - бrenным вещам, а большинство обжирается как скоты” [6,с. 244]*. Источник движения и изменения души - в ней самой, душа неисчерпаема в своих свойствах.

Познание собственной души Гераклит считал одним из достойных занятий человека. Впрочем, в учении о душе у Гераклита много элементов мифологии и некоторые философы вообще не считают его учение собственно философией (например, Алексей Федорович Лосев), тогда как другие против этого. Впоследствии материалистическим учениям будут более близки идеи Гераклита о мире - движущемся огне, а идеалистическим - мифология Гераклита.

2. Итальянская традиция.

Это философия, распространенная в полисах Южной Италии и Сицилии в V в. до н.э. К ней относится прежде всего философия Пифагорейского союза.

Философская школа Пифагора - не столько собственно научная школа, сколь “религиозно-этическое братство” - нечто вроде монашеского ордена, члены которого обязывались вести “пифагорейский образ жизни”, включавший наряду с целой системой аскетических предписаний и табу также обязательства по проведению научных исследований [4, с.13]. При этом ничего из найденного в этих исследованиях не разрешалось предавать огласке; все достижения школы

*Здесь и далее ссылки даны на источники, список которых помещен в конце раздела.
Современный Гуманитарный Университет

приписывались Пифагору как ее основоположнику. Один Эмпедокл, будучи членом Пифагорейского союза, решился разгласить какие-то его идеи, за что и был изгнан с позором.

Пифагор говорил, что в основе всего лежит число и что душа есть гармония, т.е. то же числовое соотношение.

К итальянской традиции относится школа элеатов, т.е. философов полиса Элея. В Элейской школе вообще отрицали движение и развитие, в отличие от Гераклита. Поэтому элеатов называли первыми метафизиками. Именно в Элейской школе мы впервые в истории философии встречаемся с доказательством как таковым, до этого философы опирались больше на аналогии и метафоры. Попытки доказательства мы находим у Парменида. Рассуждения другого представителя Элейской школы Зенона - это первые в истории философии строго логические доказательства, и не случайно его апории до сих пор используются в различных пособиях по логике. Не меньший интерес они вызывают у психологов, занимающихся психологией мышления.

Философ, соединивший в своем творчестве ионийскую и итальянскую традиции, - Эмпедокл. Особенно интересно учение Эмпедокла о душе.

Во-первых, Эмпедокл считал, что душа локализована не в голове или грудной клетке, а в крови [6, с.361]. Во-вторых, он не видит различия между душой и умом (нусом, разумом, интеллектом), которое будет проведено впоследствии, и поэтому считает, как отмечают его комментаторы, что и у растений, и у животных тоже имеются ум и понимание. В-третьих, Эмпедокл много внимания уделяет изучению механизмов чувственного познания. Основной принцип Эмпедокла - "подобное познается подобным". Вот что говорит об учении Эмпедокла позднейший комментатор его текстов Теофраст.

Теофраст: Эмпедокл обо всех ощущениях полагает одинаково, а именно: он утверждает, что ощущение происходит благодаря подогнанности (прилаженности) объектов ощущения к порам каждого органа чувств. Поэтому-то одни из органов чувств и не могут различить объекты других, так как у одних поры слишком широки, у других слишком узки по сравнению с воспринимаемым объектом, так что одни объекты проникают (в поры) с легкостью, не задевая их, а другие вовсе не могут войти.

И вот при таком вполне материалистическом воззрении на душу у Эмпедокла встречаются совершенно иные, с нашей точки зрения, даже противоположные этим идеи. Эмпедокл неоднократно говорит о метемпсихозе, вспоминая, как и Пифагор, свои прошлые жизни, говорит о том, что "души мудрых становятся богами", иные души в земной жизни несут наказание за убийство и др. Сам же Эмпедокл не видел в этом никакого противоречия, полагая, видимо, что оба рассмотренные выше учения просто относятся к разным областям.

Еще один досократик Анаксагор был первым профессиональным ученым, целиком посвятившим себя науке, в отличие от других философов, которые были поэтами, государственными деятелями, т.е. наука не была их единственным занятием. Анаксагор считал, что должно быть какое-то начало, которое движет и управляет миром - иначе, по его мнению, невозможно понять порядок во Вселенной. Ум (нус - по гречески) не только правит миром, но одновременно и познает его. Если Ум - движущее начало всей Вселенной, которая, как полагал Анаксагор, состоит из качественно различных "семян" (т.е. мельчайших частиц различных веществ), то душа - принцип движения живых существ. Эту идею Анаксагора высоко оценил Аристотель (см. [6, с.528-529]). Однако разум человека, как подчеркивают исследователи творчества Анаксагора, не имеет никакого отношения к нусу. Наличие разума у человека и элементов разума у животных

объясняется Анаксагором все теми же естественными причинами. Человек потому мудрейшее существо, говорил он, потому что ему достались руки. Анаксагор считал, что животные имеют “деятельный разум” (наглядно-действенное мышление, сенсомоторный интеллект, как бы мы сейчас сказали), но не обладают речевым разумом. В противоположность Эмпедоклу он говорил, что подобное не может познаваться подобным, ибо, например, при одинаковой температуре тела и предмета мы не воспринимаем его как “холодный” или “теплый”, но ощущаем предмет как “теплый” при холодной руке и как “холодный”, если ощупывающая его рука горяча. Многие из этих идей были развиты затем в психологии.

Наиболее известными философами Италийской школы являются Демокрит, Сократ и Платон.

Сократом в его рассуждениях руководила прежде всего жажда знаний о человеке, о человеческой душе, о человеческом познании и поведении, а не о природе, которая была основным объектом изучения предшествующих Сократу натурфилософов. Его интересовали причины поведения человека, которые вряд ли могут быть объяснены с помощью натурфилософских схем. В своих беседах Сократ вместо того, чтобы что-то утверждать, задавал и задавал собеседнику вопросы. Но как-то так получалось, что, отвечая на эти вопросы, его собеседник, в конце концов, сам безнадежно запутывался, потому что эти вопросы вдруг высвечивали все слабые места его, казалось бы, твердых построений. Целью таких диалогов Сократа было не стремление поставить собеседника в тупик, а поиск истины.

Самым талантливым учеником Сократа был Платон. Имена Сократа и Платона трудно отделить друг от друга. До сих пор философы спорят о том, сколько в произведениях Платона собственно сократовских, а сколько платоновских идей.

Сравним между собой основные положения учения о душе Демокрита, представителя материалистической тенденции в древнегреческой философии, и Платона, представителя идеалистической тенденции. Сначала разберем некоторые общеприятные положения Демокрита и Платона относительно мира в целом, без чего невозможно понять их учения о душе.

Согласно Демокриту, мир есть движущаяся материя, бесчисленное множество движущихся в пустоте атомов, и все вещи состоят из них. “Ничто не возникает из ничего”, т.е. Вселенная несотворима и неуничтожима, хотя отдельные миры могут возникать и погибать. Учение Демокрита о множестве миров, существующих во Вселенной, является предвосхищением идей гораздо более позднего времени - идей Джордано Бруно. Все во Вселенной подчинено не каким-либо сверхъестественным силам, а закону необходимости (Ананке, как говорили древние). Необходимость есть бесчисленная цепь причинно-следственных отношений.

Позиция Платона противоположна. Если для Демокрита бытие - это атомы, для Платона истинным бытием обладают идеи. Идею Платон понимал как субстанциализированное родовое понятие, а также “как принцип вещи, как метод ее конструирования и познания, как смысловую модель ее бесконечных чувственных проявлений, как смысловую ее предпосылку, наконец, как такое общее, которое представляет собой закон для всего соответствующего единичного. При этом материя является функцией идеи” [9, с. 47].

Речь идет о том, что существует где-то в заоблачной дали мир особых сущностей - идей, которые гораздо более реальны, чем те чувственные вещи, которые мы имеем перед собой.

Рассмотрим понимание этими философами души.

Сначала - один из фрагментов, посвященный Демокриту. Вот он: “Демокрит, считая, что душе (по природе) присуще движение, сказал, что она - огонь вследствие ее подвижности. Ведь он утверждает, что огонь состоит из шарообразных атомов, ибо шар самое подвижное из всех тел... Далее, так как душа приводит в движение, а приводящее в движение должно само более всего двигаться..., то он и утверждает, что и душа, и огонь состоят из самых подвижных атомов - из шарообразных... Так что в этом отношении... он сходится с Гераклитом. Различие же состоит в том, что Гераклит ... считал огонь (из которого состоит душа) ... непрерывным телом, а Демокрит отрицал это” [8, с.192].

У Платона же душа - некая особая, не выводимая из материального сущность, невидимая часть некой мировой души, души космоса, сотворенного умом-демиургом (вспомни об уме у Анаксагора). В понимании души Платоном очень много чисто этических моментов: душа - это нечто возвышенное, о чистоте души (т.е. о нравственных помыслах) человек должен неустанно заботиться, иначе его душе нелегко придется после смерти тела...

Платон говорит о бессмертии индивидуальной души в отличие от Демокрита, который это бессмертие отрицал.

Платон подметил немаловажное обстоятельство в человеческой жизни: человек умирает, а идеи его живут. “Душа” создавшего то или иное произведение материальной или духовной культуры человека “живет” в его произведениях...

Рассмотрим учение Демокрита и Платона о познании. Известно, что возникновение ощущений в органах чувств Демокрит объяснял истечением тонких пленок от предметов (которые он назвал “образами”), причем эти пленки отпечатываются в воздухе между глазом и предметом, а затем воздух этот, изменившийся по цвету, отражается во влажной части глаза благодаря особым встречным истечениям из глаза.

Демокрит не сводит мышление к ощущению, считая, что мышление - более “тонкое” познание невидимых для глаза вещей. Что же касается мышления, то Демокрит ограничился заявлением, что оно имеет место, когда душа смешана в надлежащей пропорции. Он сводит мышление к характеру смеси атомов в теле. Однако эти рассуждения не могли объяснить существование в человеческом сознании общих категорий. Платоном была предпринята попытка объяснения именно общего.

Наличие объективно существующих идей, сопричастных индивидуальным вещам, приводит к тому, что душа, столкнувшись с этими индивидуальными вещами, “узнает” общее в вещах, не выводимое из чувств (по Платону, рациональное познание, наоборот, предшествует чувственному: чтобы понять, что данные предметы равны, нужно уже до всякого чувственного опыта знать, что такое идея “равенства”, а она содержится в душе уже при рождении).

В истории психологии затем эта проблема соотношения чувственного и рационального так и будет разрабатываться по этим двум противоположным линиям: материалисты, как правило, будут стремиться вывести рациональное познание из чувственного, идеалисты - наоборот.

Несколько слов об одном философе, фразу которого очень любят повторять психологи многих школ: “Человек есть мера всех вещей”. Это Протагор, принадлежавший к так называемым софистам. Софисты были людьми, которые не только учили искусству спора о словах. Они то как раз и создали науку о слове. Так что софисты стояли у истоков психологии речи.

Протагора обучил философии Демокрит, и неудивительно, что в философии Протагор в основном материалист. Но он особенно выделяет относительность нашего познания, элемент субъективности в нем. У Протагора можно найти много

высказываний, которые, предвосхищают идеи некоторых типов психотерапии: все существует лишь в отношении к другому, для человека истинно все, что кажется ему таковым, вещь для меня такова, какой она мне кажется. Разве нет здесь переключки с той же гештальт-терапией: для клиента правильно все, что происходит в его жизни... Вот почему фразу Протагора так полюбили психологи и психотерапевты.

Кроме платоновской школы, к сократовским школам принадлежали так называемые киники и киренаики.

К киникам относят Антисфена, ученика Сократа, а также Диогена Синопского, который дал образец кинического образа жизни, и других. По словам Антисфена, государства погибают тогда, когда не могут более отличить хороших людей от дурных. На вопрос, что дала ему философия, он ответил: “Умение беседовать с самим собой”. Антисфен учил, что достаточно быть добродетельным, чтобы быть счастливым: для этого ничего не нужно, кроме Сократовой силы: мудрец ни в чем и ни в ком не нуждается, ибо все, что принадлежит другим, принадлежит ему; добродетель – орудие, которое никто не может отнять. Антисфен возвел аскетизм в философский принцип, в отличие, например, от Сократа и Платона, которые, собственно говоря, не были аскетами.

Диоген Синопский говорил, что люди соревнуются кто кого столкнет пинком в канаву, но никто не соревнуется в искусстве быть прекрасным и добрым. Он осуждал тех, кто восхваляет честных бессребреников, а сам втихомолку завидует богачам. Когда кто-то, завидуя Каллисфену, рассказывал, какую роскошную жизнь делит он с Александром, Диоген заметил: “Вот уж несчастен тот, кто завтракает и обедает, когда это угодно Александру!” Имелся в виду Александр Македонский... Античность он называл матерью всех бед... Само презрение к наслаждению благодаря привычке становится высшим наслаждением; и как люди, привыкшие к жизни, полной наслаждений, страдают в иной доле, так и люди, приучившие себя к иной доле, с наслаждением презирают самое наслаждение. Самое главное в образе жизни Диогена: превыше всего он ставит свободу и считает, что только свободный человек может быть по-настоящему счастлив. Здесь существует явная переключка с другими философскими учениями: Чаньшев видит параллели между учением Диогена и учением Будды с их проповедью универсальной отрешенности, свободы как преодоления всяких привязанностей в жизни [10, с.223]; можно увидеть параллели с последующим учением стоицизма и с некоторыми концепциями русских философов, например, концепцией свободы Николая Александровича Бердяева, изложенной в его книге “Философия свободы”. Эти идеи интересны и для психотерапевтов. Ведь это практическое руководство человеку, не удовлетворенному жизнью.

Другие ученики Сократа – киренаики – проповедовали не аскетизм, а гедонизм – стремление к счастью, под которым понимается наслаждение всеми доступными путями. В наслаждении и состоит подлинный смысл жизни. Киренаики говорили, что “друзей мы любим ради выгоды”, что “конечным благом является телесное наслаждение” и нужно добиваться его всеми возможными путями несмотря на то, что при этом думают другие или говорят общепринятые законы [11, с.131-135]. Кстати, стремление к наслаждению – довольно сложное явление человеческой жизни и не раз оно становилось во главу угла той или иной психологической концепции, например, психоанализа Зигмунда Фрейда.

Теперь обратимся к самому гениальному ученику Платона – Аристотелю. Именно Аристотель написал первую специальную работу, посвященную психологии. Она называется “О душе”. В этой работе он дал свое понимание души, которое не сводилось ни к определению души Демокритом, ни к

определению души Платоном и, в принципе, смягчало крайности обоих подходов. Известна фраза Аристотеля: “Платон мне друг, но истина дороже!” Аристотель пошел своим путем и подверг учение об идеях и о природе души Платона весьма суровой критике.

Аристотеля не устраивает точка зрения Демокрита о том, что душа - это тело (выше мы говорили об ограничениях ее, подмеченных еще Платоном), но не устраивает его и мнение Платона о душе как особой бестелесной сущности, которая находится в постоянном круговороте вселений в новое тело и отлетов от него после смерти. Душа и тело вообще неотделимы друг от друга, как материя (вещество), из чего сделана вещь, и форма этой вещи. Душа, по Аристотелю, есть тоже своего рода форма тела.

Душа - это словно форма отпечатка на воске, который неотделим от самого воска.

Аристотель определяет душу и как сущность живого тела. Если бы какое-то неодушевленное тело (типа топора) было бы живым, то его душой была бы его сущность, а именно то, что он есть орудие для раскалывания. Точнее, здесь следует говорить о наиболее существенных функциях тела, которое, по Аристотелю, и есть его душа.

Аристотель: Если бы глаз был живым существом, то душой его было бы зрение. Ведь зрение и есть сущность глаза как его форма (глаз же есть материя зрения); с утратой зрения глаз уже не глаз, разве только по имени, так же как глаз из камня или нарисованный глаз.

Аристотель отходит от механического понимания “движений душой тела”; он говорит, что душа движет тело не путем механического, физического толчка, а “некоторым решением и мыслью”. Аристотель делит все функции живого тела на три группы. Рост, питание, размножение как некоторые функции тела свойственны, кроме нас, еще и животным и растениям, поэтому совокупность этих функций Аристотель называет “растительной душой”. Эти функции собственно не психические, но древние вообще не давали критерия отличия психических функций от непсихических; то, что мы называем сейчас чисто физиологическими отправлениями организма, античные авторы рассматривали в ряду “душевных отправлений”. Некоторые психические функции, а именно: ощущения, восприятие, память, аффекты - Аристотель приписывает только животным и человеку, называя их “животной душой”. Естественно, со смертью тела, которое перестает функционировать, эти функции прекращают свое существование.

“Разумная душа” - психические функции, которые присущи только человеку. Это разум и воля. Здесь Аристотель явно непоследователен и противоречив. Эти функции есть не просто функции живого одушевленного тела, эти функции - проявление божественного разума и божественной воли в человеке и потому они бессмертны и могут быть отделены от тела.

Но особенно интересны высказывания Аристотеля в его этических работах, например в работе, посвященной сыну Никомаху, “Никомахова этика”. Здесь Аристотель рассматривает вопросы произвольности человеческого поведения, проблему нравственных и безнравственных поступков.

Аристотель считает, что знать, что такое добро, - это полдела. Главное - постоянно попадать в такие ситуации, где необходима та или иная добродетель, и тогда человек становится мужественным не потому, что он знает, как это хорошо, но потому, что приобрел привычку поступать подобным образом в сложных ситуациях. Здесь видится явная переключка учения Аристотеля с деятельностным подходом к воспитанию: воспитание - это не просто сообщение

неких знаний, но выстраивание цепи определенных жизненных ситуаций, где требуется активное деятельностное отношение к ним. Только в процессе деятельности и посредством нее человек приобретает те или иные “добродетели”, т.е. положительные черты характера.

1.2.2. Эпоха эллинизма

1. Эпикуреизм.

Эпикуреизм есть учение Эпикура и его последователей. Эпикур придерживался атомистического учения Демокрита с определенными поправками. Но главное - этическое учение Эпикура. Для Эпикура удовольствие существует, скорее, в отрицательном смысле - удовольствие есть отсутствие страдания.

Эпикур: “Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог. Нет, не попойки и кутежи непрерывные, не наслаждения рыбою и всеми прочими яствами, которые доставляет роскошный стол, рождают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины выбора и избегания и изгоняющее (лживые) мнения, которые производят в душе величайшее смятение” [12, с.127, 128].

Итак, идеал философа - невозмутимость. А она достигается путем избавления от всяческих страхов. Фактически уже в те времена Эпикуром разрабатывались психотерапевтические приемы борьбы со страхами, например со страхом болезни или смерти.

2. Стоицизм.

Мы буквально только коснемся этого учения. Стоики были противниками эпикуреизма. Во-первых, если эпикуреизм опирался на атомизм Демокрита, то стоики в учении о природе склонялись к учению Гераклита. Во-вторых, если эпикурейцы считали, что человек должен стремиться вырваться из оков “железной необходимости” (не случайно даже атомы у Эпикура могут самопроизвольно отклоняться), то для стоиков это просто невозможно и задача человека - смириться с неизбежным и быть мужественным перед лицом неотвратимой необходимости.

Первыми стоиками были греческие философы III века до н.э. - Зенон Китионский и его школа, позже появился римский стоицизм, в частности стоицизм Сенеки.

Как отмечает биограф Сенеки Омеров, каждый его трактат - это ответ на вопросы самому себе, и главный из них: как не раствориться в потоке безнравственной жизни? Ответ Сенеки: необходимо всегда сохранять сознание нравственных норм, того, что в народе называют совестью, и в свете этого нравственного эталона оценивать свои поступки. К общему учению стоиков о неотвратимой судьбе, которой следует подчиняться, Сенека добавляет положение в том, что нельзя быть пассивным и плыть по течению: наоборот, философ должен осознавать меру ответственности за свое поведение в той или иной ситуации и активно стремиться к добру. “Излишества лишь научат тебя желать еще большего, ибо все ложное не имеет границ. Идя по дороге, придешь к цели, блуждание же бесконечно” [13, с.35-37].

3. Римский эклектизм.

Ярким представителем этого направления является Марк Туллий Цицерон. Он проповедовал человеческую активность даже в условиях торжества

необходимости: “Я признаю, что не от нас зависит родиться с острым умом или тупым, сильным или слабым. Но тот, кто из этого сделает вывод, что не в нашей воле сидеть или гулять, тот не видит, что за чем следует”. Вместе с тем, справедливо подчеркивая активность воли человека, Цицерон считает, что ее невозможно объяснить никакими материальными причинами: “Наша воля не нуждается во внешних и предшествующих причинах” [14, с.308].

Итак, мы видим, что уже в греческой философии зародился основной конфликт: философ-материалист пытается объяснить психическую жизнь из естественных причин, но при этом впадает в упрощение рассматриваемого предмета; определенные реалии невозможно объяснить в парадигме античного мира материализма, как это верно подмечают сторонники идеалистических учений; идеалисты же, напротив, рассматривают эту несводимую к механическим взаимодействиям реальность, в частности активность и моральность человеческого поведения, но при этом никак ее не объясняют.

1.3. Психология как естественнонаучная и гуманитарная дисциплина

На рубеже XIX-XX вв. проблема методологии различных наук была одной из самых обсуждаемых философами и методологами проблем. Наибольшую известность в этой связи получила речь при вступлении в должность ректора Страсбургского университета, немецкого философа, представителя так называемой фрейбургской (или баденской) школы неокантианства Вильгельма Виндельбанда 1 мая 1894 г. Называлась она “История и естествознание”. Основной мыслью Виндельбанда в этой речи была идея о различении всех наук не по предмету, как это было ранее, а по методу. Одни науки отыскивают общие законы, которые имеют место “всегда”, идут от частного к общему. Метод этих наук Виндельбанд называет **“номотетическим”** (законополагающим). Другие науки - это науки о единичных, конкретных и неповторимых событиях, которые имели место лишь однажды. Метод этих наук может быть назван **идиографическим** (описывающим особенное).

Виндельбанд подчеркивал, что оба подхода могут быть в рамках одной и той же науки. Естествоиспытатель тоже ведь имеет дело с историей развития органического мира и в этом смысле пользуется идиографическим (описательным) подходом, тогда как историк стремится найти общие закономерности в ходе истории. Просто в одних науках преобладает номотетический подход (это, конечно, естественные науки), в других - идиографический (это исторические науки). Вместе с тем оба подхода абсолютно противоположны друг другу и могут лишь сосуществовать в рамках одной науки. Само по себе единичное не может быть объяснено путем апеллирования ко всеобщим законам, тогда как из общего не вывести единичного в его уникальном своеобразии. Поэтому естественным представляется деление психологии на две самостоятельные науки, т.е. на объяснительную и описательную, понимающую. Интересно, что обоснование такого разделения психологии на две науки было выдвинуто Дильтеем в одной из его работ 1894 г., т.е. в то же самое время, когда Виндельбанд выступал со своей знаменитой речью. Значит, идея двух методологий в психологии “носила в воздухе”.

Здесь вспоминается полемика И.М.Сеченова и К.Д.Кавелина, а также творчество В. Вундта, в котором соединились обе тенденции: номотетически ориентированной “физиологической психологии” и идиографически ориентированной “психологии народов”.

И вот с тех самых пор, т.е. с конца XIX- начала XX в. идея о двух подходах в психологии или даже о двух психологиях становится очень популярна, особенно в связи с бурным развитием практической психологии, в частности, психотерапии.

В последнее время “гуманитарная парадигма” в психологии противопоставляется “естественнонаучной парадигме”.

1.3.1. Различия между естественнонаучной и гуманитарной парадигмами исследования в психологии

1. Предмет исследования: “вещь” - “личность”.

Первое отличие этих парадигм: разное представление о предмете психологии. Воспользовавшись выражением М.М.Бахтина, мы можем говорить об изучении в естественнонаучной психологии “вещей”, а в психологии гуманитарной направленности - личности.

М.М. Бахтин: “Точные науки - монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект - познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим” [15, с.363].

Т.А. Флоренская: “Понимание “научности” в психологии ориентировано на естественнонаучную методологию, в которой человек рассматривается как объект исследования, а его субъект - исследователь - принимает всевозможные меры для устранения своего влияния на этот объект” [16, с.16].

А. Пассивность “вещи” - активность “личности”.

Такой ориентации придерживались психологи самых различных школ: Вундт, Титченер, бихевиористы, гештальтисты в своих “классических” работах, а также представители еще одного направления, о котором мы будем говорить - когнитивной психологии. Все они рассматривали человека как пассивный объект, в то время как в гуманитарной парадигме (в частности, в гуманистической психологии) человек рассматривается как субъект, т.е. активное, “говорящее” и постоянно изменяющееся, а стало быть, неоднозначное бытие.

В.М. Розин: “Культура, история, язык, личность, творчество, мышление и другие объекты гуманитарных наук изменяются сами по себе (развиваются) и активно относятся к гуманитарному знанию. Они нередко изменяют свою природу, в частности, в зависимости от того, что это знание утверждает” [17, с.10].

Неоднократно было отмечено, что знание исследуемого человека о сущности происходящего с ним меняет сами его психические процессы. Например, известный наш психиатр П.Б. Ганнушкин однажды заметил, что уже можно говорить об одержимых “болезнью Фрейда” в том смысле, что многие люди просто-напросто начинают определенным образом изменяться от “видения” мира “по Фрейду”. Известный отечественный психолог Б.С.Братусь приводит еще один пример подобного рода.

Б.С. Братусь: “Молодые люди конца XVIII-XIX вв. не просто находили в “Страданиях юного Вертера” Гете художественное описание романтической любви Вертера к Лотте, но сами начинали страдать, думать, мучиться и даже кончали самоубийством “по Вертеру” [18, с.146].

Б. Отстраненность исследования “вещи” - взаимодействие с “личностью”.

Понимание человека не как вещи, а как личности предполагает еще и взаимодействие с другим человеком, в частности, тем самым исследователем,

который сам является субъектом и активно вмешивается в ход исследования испытуемого.

Например, исследования Вертгеймером процессов мышления (или аналогичные исследования представителя младшего поколения гештальтистов Карло Дункера): при всей естественной направленности школы гештальтпсихологии эти исследования были как бы “из другой оперы”. Сам ход мыслительной деятельности испытуемого менялся в зависимости от взаимодействия с экспериментатором, т.е. активного диалога с ним. А в школе Левина экспериментатор выступал “и актером, и режиссером” одновременно, и его деятельность менялась в зависимости от поведения испытуемого.

Представители гуманитарной парадигмы выделяют еще и третью особенность человеческой личности: ее непредсказуемость. На этом основании многие сторонники данной парадигмы противопоставляют детерминистский характер связей в естественных науках и иной тип взаимосвязей в “науках о духе”.

В. Причинно-следственная зависимость “вещи” - духовная свобода “личности”. Проблема целевой детерминации.

Т.А. Флоренская: “Принцип детерминизма лежит в основе классического научного мышления. Благодаря ему возможна повторяемость изучаемых явлений, а также их предсказуемость. Причинно-следственная связь является краеугольным камнем экспериментальной психологии.

Суть этого принципа остается той же при всех его переформулировках: “нелинейный детерминизм” современной науки, психологический детерминизм, “опосредствованный внутренними условиями” детерминизм и т.п.; всякий детерминизм противостоит непредсказуемости, основанной на свободе личности” [16, с.16].

Принципу детерминизма сторонники противоположной парадигмы противопоставляют принцип “духовной свободы личности”, которая, с их точки зрения, ничем не определима и, как выражался русский философ Н.А.Бердяев, “безосновна” [19, с.199]. Особенно характерно такое понимание личности для гуманистических психологов, которые выступают на этом основании против “управления” поведением личности.

Т.А. Флоренская: “К.Роджерс, основываясь на своей терапевтической практике, а также на экспериментальных исследованиях, пришел к выводу, что чем дальше и успешнее идет процесс терапии, тем менее предсказуемо поведение; предсказуемое поведение характерно для психически неполноценных людей в силу их ригидности. Это заставило К. Роджерса высказаться против общепринятого утверждения о том, что целью психологии является предсказание и контроль над человеческим поведением” [16, с.17].

Что же касается жесткого противопоставления детерминизма и индетерминизма, якобы характерных для двух парадигм, то оно не совсем корректно. Одно дело - предсказуемость и совсем другое - объяснение поведения только “свободной волей” человека, который - безо всяких на то причин - может выбрать все, “что пожелает”. Свобода выбора тоже подчиняется определенным закономерностям, т.е. детерминирована. Другое дело, что это - особый тип детерминации. Очень удачное различение понимания детерминизма в естественнонаучной и гуманитарной парадигмах дал австрийский психолог Виктор Франкл.

В.Франкл: “Человеческая свобода - это конечная свобода. Человек не свободен от условий. Но он свободен занять позицию по отношению к ним. Условия не обуславливают его полностью. От него - в пределах его ограничений

- зависит, сдастся ли он, уступит ли условиям... В отношении проблемы свободного выбора это предохраняет от отрицания, с одной стороны, детерминистических, механистических аспектов человеческой реальности, а с другой - человеческой свободы в их преодолении. Эта свобода отрицается не детерминизмом, а тем, что я скорее всего назвал бы индетерминизмом. Иными словами, реально противостоят друг другу пандетерминизм..., т.е. "всеобщий, всеохватывающий" детерминизм и индетерминизм, а не детерминизм и индетерминизм" [20, с.77,78].

Итак, детерминизм - слишком "выстраданное" понятие психологической науки, чтобы от него отказываться (вспомним, кстати, Сеченова). Другое дело, как его понимать. Его следует понимать широко, а не отождествлять с одним-единственным видом детерминизма - с механистической предопределенностью человеческого поведения материальными условиями жизни человека, его "органическими причинами". Существуют и другие виды детерминизма как всеобщей связи явлений действительности, а причинные связи - всего лишь один тип связей. Выделяют также и целевой детерминизм, т.е. обусловленность развития психики человека сознательно поставленными человеком целями.

А.П. Стеценко: "В этом случае... открывается возможность понять действительный статус психической реальности как реальности целезависимой, т.е. существующей не "сама по себе", а лишь в контексте порождаемых и решаемых человеком целей и задач его жизнедеятельности. Мир психического характеризуется тем, что в нем происходит не только воспроизводство каких-либо существовавших свойств, связей или отношений, но и постоянное порождение нового, в силу того что живое существо является не столько системой, встречающей раздражения, сколько системой, преследующей цели. Этот факт и учитывается при построении онтологии психической реальности как реальности целезависимой, подчиняющейся законам не причинно-следственной реальности, а целевой детерминации" [21, с.46].

Г. "Вещь" вообще - уникальная "личность".

Еще одно различие между "естественниками" и "гуманитариями" в предметной области заключается в том, что "естественники" стремятся изучить как бы человека вообще, тогда как для гуманитарной парадигмы наибольший интерес представляет именно уникальность человека.

Т.А. Флоренская: "Научно-исследовательская психология занимается изучением общих закономерностей психики "человека вообще"... Статистические методы в психологии "просеивают" то, что выходит за пределы "среднестатистического человека". Факторный подход к изучению личности, методы тестирования основаны на том же "среднестатистическом" подходе (так, человек высокой нравственности может оказаться "лжецом", согласно опроснику, включающему исполнение нравственных норм, потому что у "среднестатистического" человека "так не бывает" [16, с.17,18].

2. Методы исследования.

А. Элементаризм - целостный подход.

В. Дильтей: "Объяснительная психология... хочет объяснить уклад душевного мира с его составными частями, силами и законами точно так, как химия и физика объясняют строение мира телесного.

Первым признаком объяснительной психологии... служит... ее синтетический и конструктивный ход. Она выводит все необходимые во внутреннем опыте и его расширениях факты из однозначно определенных элементов".

Понятие описательной и расчленяющей психологии добыто нами из самой природы наших душевных переживаний, из потребности в непредвзятом и неизвращенном понимании нашей душевной жизни... .

Психология должна пойти путем, обратным тому, на который вступили представители метода конструктивного. Ход ее должен быть аналитический, а не постройтельный. Она должна исходить из развития душевной жизни, а не выводить ее из элементарных процессов... Предметом ее должны являться развитый человек и полнота готовой душевной жизни. Последняя должна быть понята, описана и анализирована во всей цельности ее.

Нельзя не пожелать появления психологии, способной уловить в сети своих описаний то, чего в произведениях поэтов и писателей заключается больше, нежели в нынешних учениях о душе, - появления такой психологии, которая могла бы сделать пригодными для человеческого знания, приведя их в общезначимую связь, именно мысли, что у Августина, Паскаля и Лихтенберга производят столь сильное впечатление... К разрешению подобной задачи способна подойти лишь описательная ... психология... Ибо психология эта исходит из переживаемых связей, данных первично и с непосредственной мощью" [22, с.258, 261-263, 266, 267].

Б. Монологичность объяснения - диалогичность понимания.

Бахтин говорит о своего рода "заочной правде" о человеке в естественнонаучной психологии, которую можно "подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли". Однако "правда о человеке в чужих устах", не обращенная к нему диалогически, т.е. заочная правда, становится унижающей и умертвляющей его ложью, если касается его "святая святых", т.е. "человека в человеке" [16, с.255, 256].

М.М. Бахтин: "В "Идиоте" Мышкин и Аглая обсуждают неудавшееся самоубийство Ипполита. Мышкин дает анализ глубинных мотивов его поступка. Аглая ему замечает:

"А с вашей стороны я нахожу, что все это очень дурно, потому что очень грубо так смотреть и судить душу человека, как вы судите Ипполита. У вас нежности нет: одна правда, стало быть - несправедливо"...

Аналогичный мотив недопустимости чужого проникновения в глубины личности звучит в резких словах Ставрогина, которые он произносит в келье Тихона, куда пришел со своей "исповедью":

"Слушайте, я не люблю шпионов и психологов, по крайней мере таких, которые в мою душу лезут" [15, с.256].

Это именно понимание в диалоге с другим человеком, а не вживание в него, понимание его "правды" в контексте "моей правды", в соотношении с ней.

М.М. Бахтин: "Достоевский никогда не оставляет ничего сколько-нибудь существенного за пределами сознания своих ведущих героев (т.е. тех героев, которые равноправно участвуют в больших диалогах его романов); он приводит их в диалогическое соприкосновение со всем существенным, что входит в мир его романов. Каждая чужая "правда", предоставленная в каком-нибудь романе, непременно вводится в диалогический кругозор всех других ведущих героев данного романа. Иван Карамазов, например, знает и понимает правду Зосимы, и правду Дмитрия, и правду Алеши, и "правду" сладострастника - своего отца Федора Павловича. Все эти правды понимает и Дмитрий, отлично понимает их и Алеша. В "Бесах" нет ни одной идеи, которая не находила бы диалогического отклика в сознании Ставрогина" [15, с.258].

Конкретное отражение данного подход и видение человека находит в опыте практических психологов, которые работают в рамках гуманитарной парадигмы.

Одной из ключевых является проблема передачи опыта организации практик стимуляции творчества или психотерапевтических практик от одного человека другому.

А.А. Пузырей: “Основной, если не единственный реальной формой воспроизводства практик стимуляции творчества в пространстве и во времени, а вместе с тем и накопления и “передачи” опыта организации этих практик является своеобразное “оспособление” отдельных людей через непосредственное, живое их участие в “сессиях” или “стажах”, поначалу в качестве рядового “участника” этих групп, затем “ассистента” и, наконец, “ведущего”. Описание же этого опыта, которое обычно дается в специальной литературе по стимуляции творчества, оказывается недостаточным для того, чтобы составить хоть сколько-нибудь ясное и полное представление о соответствующих практиках, тем более для того, чтобы обеспечивать их воспроизведение. Это описание может “заговорить” только для того, кто уже имел опыт участия в группе.

Со сходным положением мы можем встретиться и в других сферах современной психотехнической практики, например в сфере так называемого “социально-психологического” тренинга общения. До тех пор, пока мы не побывали в группе и не получили непосредственного опыта участия в ней, никакое, даже самое лучшее описание его не дает нам возможности представить адекватно, что такое группа и процесс в группе” [23, с.25].

Таким образом, понимание сути многих сложных процессов человеческого бытия невозможно без непосредственного участия человека в различных формах этого бытия.

Представители гуманитарной парадигмы считают, что истинные знания о человеке только и возникают в процессе психотерапевтических практик. Например, один из известных представителей гуманистической психологии Абрахам Маслоу сказал однажды, что “большая часть нашего знания о человеческой мотивации получена не психологами, а практикующими психотерапевтами” [22, с.140].

Т.А. Флоренская: “Практическая психология не является производной от психологии “объективных исследований”, - ни по происхождению, ни по содержанию. Следовательно, ее нельзя считать “прикладной” отраслью академической психологии. Это - самостоятельная гуманитарная наука со своей методологией” [16, с.39].

В гуманитарной парадигме отрицается объективность исследований, независимость свойств и законов функционирования объекта от его познания исследователем. Поэтому многие практикующие психотерапевты и не считают практическую психологию наукой, говоря о ней, скорее, как об искусстве.

1.3.2. Проблема объективности исследования в рамках гуманитарной парадигмы.

Классический и неклассический идеалы рациональности

В рамках гуманитарной парадигмы существуют две противоположные точки зрения на объективность исследования. Одни авторы, например, Т.А. Флоренская, отрицают объективность исследований. Другие считают, что речь должна идти просто о другом понимании объективности в рамках неклассической парадигмы научного исследования, в том числе и в естествознании.

А.П. Стеценко: “В XX в. представления о реальности (природе), об идеалах и нормах познания, об объективности и предметности научного знания кардинальным образом меняются. Не имея возможности полностью реконструировать здесь историю возникновения нового, неклассического естествознания, напомним лишь, что первый кирпичик в ее фундамент был положен еще в конце XIX в., когда была создана теория электричества, затем важную роль сыграла специальная и общая теория относительности, но решающим моментом явились создание и разработка принципов квантовой механики.

Оказалось, для того чтобы понять законы существования элементарных частиц, нельзя абстрагироваться от тех процедур познания, с помощью которых мы получаем сведения о них. Каждый акт наблюдения как один из этапов познания вызывает изменения в поведении частицы столь принципиального характера, что говорить о ее поведении вне зависимости от процесса наблюдения невозможно. Физики, задумавшиеся над философским значением этого факта, отмечали, что он знаменует собой отказ от того способа описания природы, который был в ходу на протяжении столетий и который еще несколько десятков лет назад считался само собой разумеющейся целью всего точного естествознания (Н. Бор, В. Гейзенберг и др.). Конечно, принятие новой парадигмы и новой цели научного познания не было одномоментным и простым актом. Для многих ученых оказалось слишком трудным принять тот факт, что до измерения объект не обладает какими-либо свойствами, т.е. что свойства объекта впервые возникают при измерении; что никакое элементарное явление, по сути дела, нельзя считать явлением до тех пор, пока оно не наблюдалось, а от решения субъекта зависит, каким будет исследуемый объект (например, волной или частицей). Однако постепенно все больше утверждались новые идеалы и нормы описания и объяснения реальности. Центральной идеей при этом становилась идея исследовательской деятельности как существенного определяющего компонента изучаемого явления, который конституирует его, превращая в элемент физической (или какой-либо иной) реальности. Вопросы о том, какими свойствами объект обладает “сам по себе”, каковы законы его “естественного”, не зависящего от деятельности познающего субъекта, развития перестали считаться осмысленными” [21, с.53,54].

Тем более это относится к исследованию таких реальностей, как сознание, культура, жизнь общества. Вот что писал об этом замечательный философ М.К. Мамардашвили.

М.К. Мамардашвили: “То, что мы называем законами и к чему раньше приклеивался эпитет “вечные” и “неизменные”, в действительности должно рассматриваться как функция некоторого более широкого целого, как функция самой деятельности, в континууме которой становится возможной связь, которую потом мы называем законами. Вернее говоря, нечто не предустановлено в виде закона, а устанавливается в качестве закона. И, кстати, это является и условием появления нового - новообразования, изменения, преобразований, в том числе и в области культуры, - появление новых культур на месте старой и т.д. Короче говоря, здесь важно следующее: важен отказ от посылки существования некоторого предустановленного мира с готовыми законами и сущностями. Не в том смысле, что мира нет вне нас, а в том, что мы для анализа некоторых проявлений человеческого сознания и деятельности должны анализировать мир иначе... Не существует никакой предсуществующей познанию способности познания. Способность к познанию установится в актах познания. Правило, закон установятся в реальных актуализациях движений, и нет никакой их преданности, как в экономике нет преданной экономической природы человека, а она установится в зависимости от того, как пошли” [24, с.63-65].

Существует, согласно взглядам представителей данной парадигмы, и другая целезависимость психического: от целей и задач той научно-познавательной деятельности, в контексте которой происходит изучение того или иного фрагмента психической реальности. Отсюда психологическое исследование определяется как исследование именно и только конструктивное.

А.П. Стеценко: “Рассмотрение психологии как науки конструктивного типа означает, что при изучении психической реальности... наблюдение над ней вне конкретных задач преобразования, планирования, совершенствования, овладения,

управления и т.п. оказывается вообще не имеющим статуса объективного научного факта” [21, с.48].

Еще с большей силой эта идея о том, что сам факт получения знания об объекте приводит к изменению законов его функционирования, звучит в работе А.А. Пузыря о Выготском, которая уже цитировалась: сознание есть нечто такое, что “только благодаря и в ходе исследования и анализа впервые вообще приводится к своему существованию”; “исследование тут является своего рода “ловушкой для сознания” и, стало быть ... “захватывает” (“ловит”) нечто такое, чего до этого “захватывания” не существовало, но что лишь благодаря самому этому захватыванию, т.е. построению и срабатыванию ловушки впервые только и приводится к своему существованию” [23, с.95,100].

Представители классической парадигмы психологии, кстати, и не отрицают необходимости иных, “старых” методов исследования психики, только в ограниченных пределах.

Т.А. Флоренская: “Из того, что было сказано относительно объективных методов в психологии, может сложиться впечатление, что они отрицаются так таковые. Но все негативные высказывания по поводу этих методов связаны с их неадекватностью в сознании и диагностике личности. Однако в человеке есть и “объективные” характеристики и “механизмы”, в изучении которых психология достигла многого. Человеку полезно знать о своих индивидуальных особенностях, сильных и слабых свойствах психики, подобно тому, как не мешает знать и о возможностях своего организма, и о состоянии здоровья. Ко всем этим “объективным данным” он может отнестись с той или иной степенью разумности и активности как к условиям своей жизни, которые могут быть им так или иначе изменены или использованы. Но ошибочно относиться к ним как к “гороскопу”, претендующему на предсказуемость. Объективная психология может быть полезна и интересна, если она занимает свое место и не претендует на познание глубин человеческой души, не доступных и не подвластных ей (кстати, то же относится и к гороскопу) [16, с.21].

1.3.3. Проблема возможного объединения двух парадигм

Эти два подхода - очередные два “среза” целостной психической реальности. Имеются многочисленные попытки соединить оба подхода. Одно из решений данной проблемы дает известный отечественный психолог Б.С.Братусь, который говорит о необходимости смены предмета исследования: изучать не готовые, сложившиеся свойства личности, а механизмы формирования, становления, непрекращающегося движения.

Б.С.Братусь: “Тогда данные исследования (полученные или путем изучения конкретных продуктов деятельности “вечного бытия”, или анализа диалогических форм общения, или применения лабораторных экспериментов и т.п.) могут стать одновременно и объективными, и не противоречащими трансцендирующей, изменяющейся природе человека, ибо в такого рода исследованиях мы будем стремиться фиксировать, олицетвлять, ставить границы и определять масштабы не развития человека как такового, который не имеет фиксированной, заранее установленной границы и масштаба, но психологических механизмов, путей, которые опосредствуют это развитие, существенно влияя на его ход и направление. Что же касается неизбежно возникающего, движущего, а следовательно, неустраимого противоречия между “вещным” (конечным) и “смысловым” (потенциально бесконечным), то оно в свете сказанного не есть препятствие объективному познанию личности, обходить которое надо постулированным современной академической психологией возвеличиванием

осязаемого “вещного” в ущерб неясному смысловому (в противовес “понимающей психологии”, феноменологическим, экзистенциальным подходам или литературоведческим толкам о превалировании второго над первым). Следует не избегать, не маскировать это противоречие, а, напротив, выделить и зафиксировать его как первую объективную данность, как важнейший внутренний механизм личности, который подразумевает преодоление, отрицание овеществленных форм бытия через изменение смыслового восприятия, равно как изменение смыслового восприятия обуславливается изменившимися формами бытия вещного” [18, с.136-137].

Литература

1. Аристотель. Соч. в 4-х т. Т.1. М., 1976. С. 394-399.
2. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1988.
3. Годфруа Ж. Что такое психология. Т.1. М., 1992. С. 83-96, 101-110.
4. Петухов В.В., Столин В.В. Психология: Метод. указ. М., 1989. С. 5-11, 18-23.
5. Платон. Соч. в 3-х т. Т.2. М., 1970. С. 64-68, 73-79.
6. Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч.1.
7. Рожанский И.Д. Анаксагор. М., 1983.
8. Виц Б.Б. Демокрит. М., 1979.
9. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона/Платон. Собр. Соч. В 4-х т. М., 1990. Т.1. С. 3-63.
10. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.
11. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
12. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир - эпоха Просвещения. М., 1991.
13. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово, 1986.
14. Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.
15. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
16. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. М., 1991.
17. Розин В.М. Научные интерпретации предмета психологии // Психол. журн. 1991. Т.12. N2. С. 5-15.
18. Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988.
19. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
21. Стеценко А.П. О роли и статусе методологического знания в современной советской психологии//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1990. N 2. С.39-49.
22. Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
23. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория А.С. Выготского и современная психология. М., 1986.
24. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.

2. СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ

2.1. Явления сознания как предмет исследования

Мы переходим к новому крупному этапу развития психологии. Начало его относится к последней четверти XIX в., когда оформилась научная психология. У

истоков этой новой психологии стоит французский философ Рене Декарт (1596-1650). Декарт считается родоначальником рационалистической философии. Согласно его мнению, знание должно строиться на очевидных данных, на непосредственной интуиции. Из нее оно должно выводиться методом логического рассуждения. В одном из своих произведений Р.Декарт рассуждает о том, как лучше всего добраться до истины. Он считает, что человек с детства впитывает в себя очень многие заблуждения, принимая на веру различные утверждения и идеи. Так что если хотеть найти истину, то для начала надо все подвергнуть сомнению. Так, подвергнув все сомнению, мы можем прийти к выводу, что нет ни земли, ни неба, ни нашего собственного тела. Но при этом обязательно что-то

останется - "наше сомнение - верный признак того, что мы мыслим. И вот тогда мы можем утверждать, что существуем, ибо... мысля, нелепо предполагать несуществующим то, что мыслит". И дальше следует знаменитая декартовская фраза: "Мыслю, следовательно, существую" (*cogito ergo sum*).

Под **мышлением** Декарт подразумевает "все то, что происходит в нас", все, что мы "воспринимаем непосредственно само собою". И поэтому мыслить - значит не только *понимать*, но и *желать, воображать, чувствовать*.

В этих утверждениях Декарта и содержится тот основной постулат, из которого стала исходить психология конца XIX в., - постулат, утверждающий, что первое, что человек обнаруживает в себе, - это его собственное сознание. Существование сознания - главный и безусловный факт, и основная задача психологии состоит в том, чтобы подвергнуть анализу состояния и содержания сознания. Так, "новая психология", восприняв дух идей Декарта, сделала своим предметом сознание.

Прежде всего психологи того времени стали описывать **свойства сознания**. "Поле сознания" разнообразно по своему содержанию, неоднородно: в нем выделяется центральная область, особенно ясная и отчетливая; это "поле внимания", или фокус сознания; за пределами ее находится область, содержания которой неотчетливы, смутны, нерасчленены; это "периферия сознания".

Содержания сознания, заполняющие обе описанные области, находятся в непрерывном движении. В.Джеймс, которому принадлежит яркое описание различных феноменов сознания, выделяет два его состояния: устойчивые и изменчивые, быстро преходящие. Когда мы, например, размышляем, мысль останавливается на тех образах, в которые облекается предмет нашего размышления. Наряду с этим бывают неуловимые переходы от одной мысли к другой.

Движение сознания, непрерывное изменение его содержаний и состояний В.Джеймс отразил в понятии "**поток сознания**". Поток сознания невозможно остановить, ни одно минувшее состояние сознания не повторяется. Тожественным может быть только объект внимания, а не впечатление о нем. Кстати, удерживается внимание на объекте только в том случае, если в нем открываются все новые и новые стороны.

Далее, можно обнаружить, что процессы сознания делятся на два больших класса. Одни из них происходят как бы сами собой, другие организуются и направляются субъектом. Первые процессы называются **непроизвольными**, вторые - **произвольными**.

Оба типа процессов, а также ряд других замечательных свойств сознания хорошо демонстрируются с помощью прибора, которым пользовался в своих экспериментах В.Вундт. Это метроном; его прямое назначение - задавать ритм при игре на музыкальных инструментах. В лаборатории же В.Вундта он стал практически первым психологическим прибором.

В. Вундт предполагает вслушаться в серию монотонных щелчков метронома. Можно заметить, что звуковой ряд в нашем восприятии произвольно ритмизируется. Например, мы можем услышать его как серию парных щелчков с ударением на каждом втором звуке (“тик-так”...). Второй щелчок звучит настолько громче и яснее, что мы можем приписать это объективному свойству метронома. Однако такое предположение легко опровергнется тем, что, как оказывается, можно произвольно изменить ритмическую организацию звуков. Например, начать слышать акцент каждой пары на первом звуке (“так-тик”, “так-тик”) или вообще, организовать звуки в более сложный такт из четырех щелчков.

Итак, **сознание** по своей природе ритмично, включает В.Вундт, причем организация ритма может быть как произвольной, так и произвольной.

С помощью метронома В.Вундт изучал еще одну очень важную характеристику сознания - его “объем”. Опыт Вундта состоял в том, что испытуемому предъявлялся ряд звуков, затем этот ряд прерывался и давался второй ряд таких же звуков. Испытуемому задавался вопрос: одинаковой длины были ряды или разной? При этом запрещалось считать звуки; следовало просто их слушать и составить о каждом ряде целостное впечатление. Оказалось, что если звуки организовывались в простые такты по два (с ударением на первом или втором звуке пары), то испытуемому удавалось сравнить ряды, состоящие из 8 пар. Если количество пар превосходило эту цифру, то ряды распадались, т.е. уже не могли восприниматься как целое. Вундт делает вывод, что ряд из восьми двойных ударов (или из 16 отдельных звуков) является мерой объема сознания.

Далее он ставит следующий интересный и важный опыт. Он снова предлагает испытуемому слушать звуки, однако произвольно организуя их в сложные такты по восемь звуков каждый. И затем повторяет процедуру измерения объема сознания. Оказывается, что испытуемый на этот раз может услышать как целостный ряд пять таких тактов по 8 звуков, т.е. всего 40 звуков!

Этими опытами В.Вундт обнаружил очень важный факт, а именно, что человеческое сознание способно почти беспредельно насыщаться некоторым содержанием, если оно активно объединяется во все более крупные единицы. При этом он подчеркивает, что способность к укрупнению единиц обнаруживается не только в простейших перцептивных процессах, но и в мышлении. Понимание фразы, состоящей из многих слов и из еще большего количества отдельных звуков, есть не что иное, как организация единицы более высокого порядка. Процессы такой организации Вундт называл “актами апперцепции”.

У психологов того времени возникли вопросы: каким образом исследовать сознание дальше? каковы следующие задачи психологии? И здесь был сделан тот поворот, который со временем завел психологию сознания в тупик. Психологи решили, что они должны последовать примеру естественных наук и заняться поиском простейших элементов сознания, разложить сложную динамичную картину сознания на простые, далее неделимые части. Это во-первых. Вторая задача состоит в том, чтобы найти законы соединения простейших элементов.

Простейшими элементами сознания В.Вундт объявил отдельные впечатления, или **ощущения**.

Каждое ощущение, по Вундту, обладает рядом свойств, или атрибутов. Оно характеризуется прежде всего качеством (ощущения могут быть зрительными, слуховыми, обонятельными и т.п.), интенсивностью, протяженностью (т.е. длительностью) и, наконец, пространственной протяженностью (последнее свойство присуще не всем ощущениям, например, оно есть у зрительных ощущений и отсутствует у слуховых).

Ощущения с описанными свойствами являются объективными элементами сознания. Но ими и их комбинациями не исчерпываются содержания сознания. Есть еще субъективные элементы, или чувства. В.Вундт предложил три пары субъективных элементов - элементарных чувств: удовольствие-неудовольствие,

возбуждение-успокоение, напряжение-разрядка. Эти пары - независимые и составляют основу трехмерного пространства всей эмоциональной сферы.

Психологии сознания не удалось собрать из простых элементов живые полнокровные состояния сознания. К концу первой четверти нашего столетия эта психология практически перестала развиваться по следующим причинам:

1) далее нельзя было ограничиваться таким узким кругом явлений, как содержание и состояние сознания;

2) идея разложения психики на простейшие элементы была сложной;

3) очень ограниченным по своим возможностям был метод, который психология сознания считала единственно возможным - метод интроспекции.

В психологии сознания **метод интроспекции** (буквально “смотрения внутрь”) был признан не только главным, но и единственным методом психологии. В основе этого убеждения лежали два обстоятельства. Во-первых, фундаментальное свойство процессов сознания непосредственно открывается субъекту. Во-вторых, “закрытость” тех же процессов для внешнего наблюдателя. Сознания разных людей сравнивались в то время с замкнутыми сферами, которые разделены пропастью.

Хотелось бы подчеркнуть, казалось бы, кристальную ясность и строгость выводов психологии того времени относительно ее метода. Все рассуждение заключено в немногих коротких предложениях: предмет психологии - факты сознания; последние непосредственно открыты мне и никому больше; следовательно, изучать их можно методом интроспекции и никак иначе.

Однако простота и очевидность каждого из этих утверждений, как и всего вывода в целом, только кажущиеся. В действительности в них заключена одна из самых сложных и запутанных проблем психологии - проблема самонаблюдения.

Идейным отцом метода интроспекции считается английский философ Дж.Локк (1632-1704), хотя идея этого метода содержалась также в декартовском тезисе о непосредственном постижении мыслей.

Дж.Локк считал, что существуют два источника всех наших знаний: первый источник - это объекты внешнего мира, второй - деятельность собственного ума. На объекты внешнего мира мы направляем свои внешние чувства и в результате получаем впечатления (или идеи) о внешних вещах. Деятельность же нашего ума, к которой Локк причислял мышление, сомнение, веру, рассуждения, познание, желания, познается с помощью особого внутреннего чувства - рефлексии. Рефлексия, по Локку, это “наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность” [4, с.129].

Итак, у Локка содержатся на крайней мере два важных утверждения.

1. Существует возможность раздвоения, или “удвоения” психики. Душевная деятельность может протекать как бы на двух уровнях: процессы первого уровня - восприятия, мысли, желания; процессы второго уровня - наблюдение, или “созерцание” этих восприятий, мыслей, желаний.

2. Деятельность души первого уровня есть у каждого человека и даже ребенка. Душевная деятельность второго уровня требует специальной организации. Это специальная деятельность. Без нее знание о душевной жизни невозможно. Без нее впечатления о душевной жизни подобны “проносящимся призракам”, которые не оставляют в душе “ясные и прочные идеи”.

Эти оба тезиса были приняты на вооружение психологией сознания. Были сделаны следующие научно-практические выводы:

1) психолог может проводить психологические исследования только над самим собой. Если он хочет знать, что происходит с другим, то должен поставить себя в те же условия, пронаблюдать себя и по аналогии заключить о содержании сознания другого человека;

2) поскольку интроспекция не происходит сама собой, а требует особой деятельности, то в ней надо упражняться, и упражняться долго.

Психологи того времени отмечали важные дополнительные **преимущества метода интроспекции**.

Во-первых, считалось, что в сознании непосредственно отражается причинная связь психических явлений. Например, если я захотела поднять руку и подняла ее, то причина действия мне непосредственно известна: она присутствует в сознании в форме решения поднять руку. В более сложном случае, если человек вызывает во мне сострадание, я стремлюсь ему всячески помочь, для меня очевидно, что мои действия имеют своей причиной чувство сострадания. Я не только переживаю это чувство, но и знаю его связь с моими действиями.

Отсюда положение психологии считалось намного легче, чем положение других наук, которые должны еще доискиваться до причинных связей.

Второе отмечавшееся достоинство интроспекции: она поставляет психологические факты, так сказать, в чистом виде, без искажений.

В психологии XIX в. начался грандиозный эксперимент по проверке возможностей метода интроспекции. Эксперименты наиболее строгих интроспекционистов (Э.Титченера и его учеников) дополнялись еще двумя требованиями.

Во-первых, интроспекция должна была направляться на выделение простейших элементов сознания, т.е. ощущений и элементарных чувств.

Во-вторых, испытуемые должны были избегать в своих ответах терминов, описывающих внешние объекты, а говорить только о своих ощущениях, которые вызывались этими объектами, и о качествах этих ощущений. Например, испытуемый не мог сказать: "Мне было предъявлено большое красное яблоко". А должен был сообщить примерно следующее: "Сначала я получил ощущение красного, и оно затмило все остальное; потом оно сменилось впечатлением круглого, одновременно с которым возникло легкое щекотание в языке, по-видимому, след вкусового ощущения. Появилось также быстро проходящее мускульное ощущение в правой руке..."

Ответ в терминах внешних объектов был назван Э. Титченером "ошибкой стимула" - известный термин интроспективной психологии, отражающий ее атомистическую направленность на элементы сознания.

По мере расширения этого рода исследований стали обнаруживаться крупные проблемы и трудности. Во-первых, становилась все более очевидной бессмысленность такой "экспериментальной психологии". Другим неприятным следствием были накапливающиеся противоречия в результатах. Результаты не совпадали не только у различных авторов, но даже иногда у одного и того же автора при работе с разными испытуемыми. Более того, некоторые явления никак не могли быть разложены на отдельные ощущения или представлены в виде их сумм. Возьмите мелодию и перенесите ее в другую тональность; в ней изменится каждый звук, однако мелодия при этом сохранится. Значит, не отдельные звуки определяют мелодию, не простая их совокупность, а какое-то особое качество, которое связано с отношениями между звуками, - это качество целостной структуры (нем. - "гештальта"), а не суммы элементов.

Далее, систематическое применение интроспекции стало обнаруживать вневещные, или безобразные элементы сознания. Среди них, например, "чистые" движения мысли, без которых, как оказалось, невозможно достоверно описать процесс мышления. Наконец, стали выявляться неосознаваемые причины некоторых явлений сознания.

Таким образом, в психологии стала назревать ситуация кризиса. Дело было в том, что доводы, выдвигаемые в защиту метода интроспекции, не были строго проверены.

Начнем с утверждения о возможности раздвоения сознания.

В психологии специально исследовался вопрос о возможности одновременного осуществления двух деятельностей. Было показано, что это

возможно либо путем быстрых переходов от одной деятельности к другой, либо если одна из деятельностей относительно проста и протекает “автоматически”. Например, можно вязать на спицах и смотреть телевизор, но вязание останавливается в наиболее захватывающих местах.

Следовательно, интроспекцию настоящего, полнокровного акта сознания можно осуществить, только прервав его. Интроспекционисты отмечали, что приходится наблюдать не столько сам непосредственно текущий процесс, сколько его затухающий след. А чтобы следы памяти сохраняли возможно большую полноту, надо процесс дробить (актами интроспекции) на мелкие порции. Таким образом, интроспекция превращалась в “дробную” ретроспекцию.

Остановимся на возможности с помощью интроспекции выявить причинно-следственные связи в сфере сознания. Примерами отдельных, так называемых произвольных, действий справедливость этого тезиса и ограничивается. Зато с каким количеством необъяснимых фактов собственного сознания мы встречаемся повседневно! Или возьмем процесс мышления: разве мы всегда знаем, какими путями пришла нам в голову та или иная мысль!

Наконец, рассмотрим мнение о том, что интроспекция поставляет сведения о фактах сознания в искаженном виде. Даже когда человек дает отчет по памяти о только что пережитом опыте, он и тогда неизбежно его искажает, ибо направляет внимание только на определенные его стороны или моменты. Именно это искажающее влияние внимания, особенно внимания наблюдателя, который знает, что он ищет, настойчиво отмечалось критиками обсуждаемого метода.

Во втором десятилетии нашего века, т.е. спустя немногим более 30 лет после основания научной психологии, в ней произошла революция: смена предмета психологии. Им стало не сознание, а поведение человека и животных. Однако изучение сознания в психологии на этом не закончилось. Современные исследования сознания в принципе отличаются от экспериментов интроспекционистов.

В экспериментах интроспекционистов предьявлялся обычный объект в обычных условиях; от испытуемого же требовался изощренный анализ “внутреннего опыта”, аналитическая установка, избегание “ошибки стимула” и т.п.

В современных исследованиях происходит все наоборот. Главная нагрузка ложится на экспериментатора, который должен проявить изобретательность. Он организует подбор специальных объектов или специальных условий их предьявления; использует специальные устройства, подбирает испытуемых и т.п. От испытуемого же требуется обычный ответ в обычных терминах.

Первое мы озаглавим как **метод интроспекции**, второе - как **использование данных самонаблюдения**.

Таким образом, получаем следующую простую таблицу.

	Метод интроспекции	Использование данных самонаблюдения
Что и как наблюдается	Рефлексия, или наблюдение (как вторая деятельность) за деятельностью своего ума	Непосредственное постижение фактов сознания - (“моносспекция”)
Как используется в научных целях	Основной способ получения научных знаний	Факты сознания рассматриваются как “сырой материал” для дальнейшего научного анализа

Таким образом:

а) метод интроспекции - это метод изучения свойств и законов сознания с помощью рефлексивного наблюдения. Иногда он называется субъективным методом. Его разновидностями являются метод аналитической интроспекции и метод систематической интроспекции;

б) речевой отчет - сообщение испытуемого о явлениях сознания при наивной (неинтроспективной, неаналитической) установке. То же иногда называют субъективным отчетом, субъективными показаниями, феноменальными данными, данными самонаблюдения.

2.2. Предмет и задачи психологии поведения

Мы переходим к следующему крупному этапу в развитии психологии. Он ознаменовался тем, что в психологию были введены совершенно новые факты - факты поведения.

По сложившейся в психологии традиции под поведением понимают внешние проявления психической деятельности человека. И в этом отношении поведение противопоставляется сознанию как совокупности внутренних, субъективно переживаемых процессов. Иными словами, факты поведения и факты сознания разводят по методу их выявления.

Когда Дж. Уотсон заявил, что психология должна заниматься не явлениями сознания, а фактами поведения, т.е. тем, что имеет внешнее выражение, то первый, кто возразил ему, был Э. Титченер. Он сказал: "Все, что не может быть передано в терминах сознания, не есть психологическое". Например, телесные реакции относятся к области не психологии, а физиологии.

Внешние проявления имеют важное психологическое значение. Они одновременно и неотъемлемая сторона внутреннего состояния, и непосредственное выражение характера человека, его опыта и его отношений; и предмет собственного контроля; и средства общения между людьми.

Факты поведения - это, во-первых, все внешние проявления физиологических процессов, связанных с состоянием, деятельностью, общением людей, - поза, мимика, интонации, взгляды, блеск глаз, покраснение, побледнение, дрожь, прерывистое или сдержанное дыхание, мышечное напряжение и др.; во-вторых, отдельные движения и жесты, такие как поклон, кивок, подталкивание, сжимание руки, стук кулаком и т.п.; в-третьих, действия как более крупные акты поведения, имеющие определенный смысл.

Наконец, это **поступки** - еще более крупные акты поведения, которые имеют, как правило, общественное, или социальное звучание и связаны с нормами поведения, отношениями, самооценкой и т.д.

Итак, во втором десятилетии нашего века в психологии произошло очень важное событие, названное "революцией в психологии".

В научной печати выступил американский психолог Дж. Уотсон, который заявил, что нужно пересмотреть вопрос о предмете психологии. Психология должна заниматься не явлениями сознания, а поведением. Направление получило название "**бихевиоризм**" (от англ. behaviour - поведение). Публикация Дж. Уотсона "Психология с точки зрения бихевиориста" относится к 1913 г., этим годом и датируется начало новой эпохи в психологии.

Основаниями для заявления Дж. Уотсона были:

- 1) кризис психологии сознания;
- 2) запросы практики.

К этому времени психология сознания дискредитировала себя. Лабораторная психология занималась проблемами, никому не нужными и не интересными,

кроме самих психологов. В то же время жизнь заявила о себе, особенно в США. Это была эпоха бурного развития экономики. "Городское население растет с каждым годом ... - писал Дж.Уотсон. - Жизнь становится все сложнее и сложнее ... Если мы хотим когда-либо научиться жить совместно ... то мы должны .. заняться изучением современной психологии" [5, с.XVII].

Уотсон считал, что психология должна стать естественнонаучной дисциплиной и должна ввести научный объективный метод.

Вопрос о методе был одним из главных для нового направления, даже основным: именно из-за несостоятельности метода интроспекции отвергалась идея изучения сознания вообще. Предметом науки может быть только то, что доступно внешнему наблюдению, т.е. факты поведения. Их можно наблюдать из внешней по отношению к испытуемому позиции, по поводу них можно добиться согласия нескольких наблюдателей. В то же время факты сознания доступны только самому переживающему субъекту, и доказать их достоверность невозможно.

Дж.Уотсон отрицал существование сознания как предмета научной психологии. Он утверждал, что сознание не существует для психологии. Как ученый-психолог, он не позволял себе думать иначе. То, чем должна заниматься психология, требует доказательств существования, а такие доказательства получает только то, что доступно внешнему наблюдению.

Надо заметить, что в отрицании необходимости изучать сознание был главный смысл бихевиоризма и за это он в дальнейшем не выдержал критики.

Дж.Уотсон определял поведение как систему реакций. Это основывалось на том, что естественнонаучная материалистическая традиция, которую вводил бихевиоризм в психологию, требовала причинных объяснений. Это значит найти внешнее воздействие, которое вызвало действие. Нет ни одного действия человека, за которым не стояла бы причина в виде внешнего агента.

Для обозначения последнего он использует понятие стимула и предлагает следующую знаменитую формулу: S - R (стимул - реакция).

"... Бихевиорист ни на одну минуту не может допустить, чтобы какая-нибудь из человеческих реакций не могла быть описана в этих терминах", - пишет Дж.Уотсон [5, с.436].

Затем он делает следующий шаг: объявляет отношение S - R единицей поведения и ставит перед психологией следующие задачи:

- выявить и описать типы реакций;
- исследовать процесс их образования;
- изучить законы их комбинаций, т.е. образования сложного поведения.

В качестве общих окончательных **задач психологии** он намечает следующие две: прийти к тому, чтобы по ситуации (стимулу) предсказывать поведение (реакцию) человека и, наоборот, по реакции заключать о вызвавшем ее стимуле, т.е. по S предсказывать R, а по R заключать об S.

Между прочим, здесь напрашивается параллель с В.Вундтом. Ведь он также начал с выявления единиц (сознания), поставил задачу описать свойства этих единиц, дать их классификацию, изучить законы их связывания и образования в комплексы. Только Уотсон выделяет единицы поведения, а не сознания, и намеревается собирать из этих единиц всю картину поведения человека, а не его внутреннего мира.

Дж.Уотсон начинает с описания **типов реакций**. Он выделяет прежде всего реакции врожденные и приобретенные.

Обращаясь к изучению новорожденных детей, Уотсон составляет список врожденных реакций. Среди них такие, как чихание, икание, сосание, улыбка, плач, движения туловища, конечностей, головы и разные другие.

Чтобы понять, как расширяется поток активности, по каким законам приобретаются новые, не врожденные реакции, Уотсон обращается к работам И.П.Павлова и Б.М. Бехтерева. В них содержалось описание механизмов возникновения условных (по Павлову) или “сочетательных” (по Бехтереву) рефлексов. Дж.Уотсон принимает эти концепции в качестве естественнонаучной базы психологической теории. Он говорит, что все новые реакции приобретаются путем обусловливания.

Рассмотрим схему образования условного рефлекса.

Безусловный стимул (S_b) вызывает безусловную реакцию (R_b). Если безусловному стимулу предшествует действие нейтрального условного стимула (S_y), то через некоторое количество сочетаний нейтрального и безусловного стимулов действие безусловного стимула оказывается ненужным: безусловную реакцию начинает вызывать условный стимул (рис. 1).

Например, мать гладит ребенка, и у него на лице появляется улыбка. Прикосновение к коже - безусловный стимул, улыбка на прикосновение - безусловная реакция. Каждый раз перед прикосновением появляется лицо матери. Теперь достаточно одного вида матери, чтобы последовала улыбка ребенка.

А как образуются сложные реакции? По Уотсону - путем образования комплексов безусловных реакций.

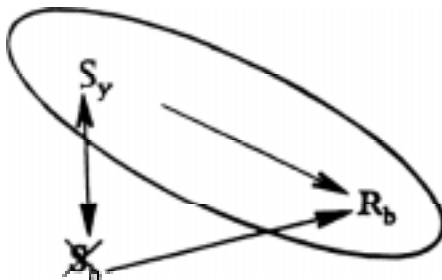

Рис. 1. Схема процесса выработки условной реакции

Предположим, имеется такая ситуация: первый безусловный стимул вызвал первую безусловную реакцию, второй - вторую, третий - третью. А потом все безусловные стимулы заменили на один условный стимул (A). В результате условный стимул вызывает сложный комплекс реакций (рис. 2).

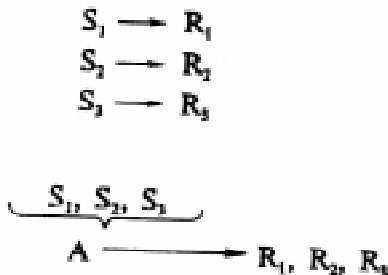

Рис. 2. Схема процесса выработки сложной реакции (по Дж. Уотсону)

Все человеческие действия и есть, по мнению Дж.Уотсона, сложные цепи, или комплексы, реакций. Если вдуматься в это его утверждение, то станет ясно, что оно абсолютно неверно. В действительности из приведенной схемы невозможно понять, как появляются новые действия человека: ведь организм, по концепции Дж.Уотсона, располагает только арсеналом безусловных реакций.

Один современный математик-кибернетик, М.М. Бонгардт, на этот счет замечает, что никакие раздражители и никакие их сочетания никогда бы не привели по схеме образования условных реакций, например, к тому, чтобы собака научилась ходить на задних лапах.

Надо сказать, что бихевиористы экспериментировали в основном на животных. Они это делали не потому, что их интересовали животные сами по себе, а потому, что животные, с их точки зрения, обладают большим преимуществом: они “чистые” объекты, так как к их поведению не примешивается сознание. Получаемые же результаты они слепо переносили на человека.

При дальнейшем развитии бихевиоризма стала обнаруживаться чрезвычайная ограниченность схемы S - R для объяснения поведения: как правило, “S” и “R” находятся в таких сложных и многообразных отношениях, что непосредственную связь между ними проследить не удастся. Один из представителей позднего бихевиоризма Э.Толмен ввел в эту схему существенную поправку. Он предложил поместить между S и R среднее звено, или **“промежуточные переменные”** (V), в результате чего схема приобрела вид: S - V - R. Под “промежуточными переменными” Э.Толмен понимал внутренние процессы, которые опосредствуют действие стимула, т.е. влияют на внешнее поведение.

К ним он отнес такие образования, как “цели”, “намерения”, “гипотезы”, “познавательные карты” (образы ситуаций) и т.п. Хотя промежуточные переменные были функциональными эквивалентами сознания, вводились они как “конструкторы”, о которых следует судить исключительно по свойствам поведения.

Например, о наличии цели у животного, согласно Э.Толмену, можно говорить в том случае, если животное: во-первых, обнаруживает поисковую активность, пока не получит определенный объект; во-вторых, при получении объекта прекращает активность; в-третьих, при повторных пробах находит к объекту путь быстрее.

Итак, по перечисленным признакам можно сказать, что получение данного объекта составляло намерение, или цель, животного. Признаки же есть не что иное, как свойства поведения, а к сознанию обращаться нет никакой необходимости.

Новый шаг в развитии бихевиоризма составили исследования особого типа условных реакций (наряду с “классическими”, т.е. павловскими), которые получили название инструментальных (Э.Торндайк, 1898) или оперантных (Б.Скиннер, 1938).

Явление инструментального, или оперантного, обусловливания состоит в том, что если подкрепляется какое-либо действие индивида, то оно фиксируется и затем воспроизводится с большими легкостью и постоянством.

Согласно теории бихевиоризма, классическое и оперантное обусловливание являются универсальными механизмами научения, общими для животных и человека. При этом процесс научения представлялся как происходящий вполне автоматически: подкрепление приводит буквально к “закреплению” в нервной системе связей и успешных реакций независимо от воли, желания или какой-нибудь другой активности субъекта. Отсюда бихевиористы делали далеко идущие выводы о том, что с помощью воздействия на поведение человека можно “манипулировать” им, что человек в какой-то мере раб внешних обстоятельств и собственного прошлого опыта.

Все эти выводы в конечном счете были следствиями игнорирования сознания. “Неприкасаемость” к сознанию оставалась основным требованием бихевиоризма на всех этапах его развития.

Подводя итоги, важно отметить заслуги бихевиоризма.

Во-первых, благодаря ему психология была повернута на естественнонаучный путь развития. Во-вторых, он ввел **объективный метод** - метод, основанный на регистрации и анализе внешне наблюдаемых фактов, процессов, событий. Благодаря этому нововведению в психологии получили бурное развитие инструментальные приемы исследования психических процессов. Далее, чрезвычайно расширился класс исследуемых объектов: стало интенсивно изучаться поведение животных, доречевых младенцев и т.п. Наконец, в работах бихевиористского направления получили значительное развитие отдельные разделы психологии, в частности проблемы научения, образования навыков и др.

Но основной недостаток бихевиоризма состоял в недоучете сложности психической деятельности человека, сближении психики животных и человека, игнорировании процессов сознания, высших форм научения, творчества, самоопределения личности и т.п.

2.3. Проблема бессознательного в психоанализе

Неосознаваемые психические процессы стали особенно интенсивно изучаться с начала нашего века. Уже первые результаты этого изучения фактически нанесли еще один удар по психологии сознания, вполне соизмеримый с тем, который она получила со стороны бихевиоризма.

Все неосознаваемые процессы, по классификации Ю.Б.Гиппенрейтер, можно разбить на три большие класса:

- 1) неосознаваемые механизмы сознательных действий;
- 2) неосознаваемые побудители сознательных действий;
- 3) “надсознательные” процессы.

В первый класс - **неосознаваемых механизмов сознательных действий** - входят, в свою очередь, три различных подкласса:

- а) неосознаваемые автоматизмы;
- б) явления неосознаваемой установки;
- в) неосознаваемые сопровождения сознательных действий.

Рассмотрим каждый из названных подклассов.

Под **неосознаваемыми автоматизмами** подразумевают обычно действия или акты, которые совершаются “сами собой”, без участия сознания.

Анализ автоматических процессов обнаруживает их двоякое происхождение. Некоторые из этих процессов никогда не осознавались, другие же прошли через сознание и перестали осознаваться.

Первые составляют группу **первичных автоматизмов**, вторые - группу **вторичных автоматизмов**. Первые называют иначе автоматическими действиями, вторые - автоматизированными действиями, или навыками.

В группу автоматических действий входят либо врожденные акты, либо те, которые формируются очень рано, часто в течение первого года жизни ребенка. Их примеры: сосательные движения, мигание и др.

Группа автоматизированных действий, или навыков, особенно обширна и интересна. Благодаря формированию навыка достигается двоякий эффект:

- 1) действие начинает осуществляться быстро и точно;
- 2) происходит высвобождение сознания, которое может быть направлено на освоение более сложного действия.

Говоря об освобождении действий от сознательного контроля, конечно, не надо думать, что это освобождение абсолютно, т.е. что человек совсем не знает, что он делает. Это не так. Контроль, конечно, остается, он осуществляется следующим образом.

Поле сознания неоднородно: оно имеет фокус, периферию и, наконец, границу, за которой начинается область неосознаваемого. И вот эта неоднородная картина сознания как бы накладывается на иерархическую систему компонентов действия. Наиболее поздние и наиболее сложные компоненты действия, составляющие “верхние этажи” иерархии, оказываются в фокусе сознания; более низкие этажи попадают на периферию сознания; наконец, самые низкие и самые отработанные компоненты действия выходят за границу сознания.

Надо сказать, что отношения различных компонентов действий к сознанию нестабильно. В поле сознания происходит постоянное изменение содержаний: представленным в нем оказывается то один, то другой “слой” иерархической системы актов, составляющих данное действие.

В психологии много внимания уделяется проблеме механизмов формирования навыка.

Выработка навыка - это процесс, идущий как бы с двух противоположных сторон: со стороны субъекта и со стороны организма. Мы произвольно и сознательно вычленим из сложных движений отдельные элементы и отработаем правильное их выполнение. Одновременно, уже без участия нашей воли и сознания, идет процесс автоматизации действия. Этим мы обязаны уже собственно физиологическим свойствам и механизмам нашего организма. Он обладает таким замечательным даром: перенимать на себя в ходе автоматизации значительную часть работы, организуемой сознанием.

Механизмами автоматизмов много занимался Г.Гельмгольц. Для их описания он предложил термин “бессознательное умозаключение”. Г.Гельмгольц подчеркивал, что слово “умозаключение” надо ставить в кавычки потому, что этот процесс подобен умозаключению только по результату, по природе же он отличается от истинного умозаключения, т.к. происходит бессознательно. Мы как бы рассуждаем, но на самом деле этого не делаем: за нас подобную работу производит неосознаваемый перцептивный процесс.

Рассмотрим теперь второй вид неосознаваемых механизмов - **явления неосознаваемой установки**.

Понятие “установка” заняло в психологии очень важное место, наверное, потому, что явления установки пронизывают практически все сферы психической жизни человека.

В советской психологии существовало целое направление (грузинская школа психологов), которое разрабатывало проблему установки в очень широком масштабе. Грузинские психологи являются непосредственными учениками и последователями выдающегося советского психолога Дмитрия Николаевича Узнадзе (1886-1950), который создал теорию установки.

По определению, **установка** - это готовность организма или субъекта к совершению определенного действия или к реагированию в определенном направлении. Важно отметить, что речь идет именно о готовности к предстоящему действию. Если навык относится к периоду осуществления действия, то установка - к периоду, который ему предшествует.

Состояние готовности, или установка, имеет очень важное функциональное значение. Субъект, подготовленный к определенному действию, имеет возможность осуществить его быстро и точно, т.е. более эффективно.

Но иногда механизмы установки вводят человека в заблуждение и могут вызывать, например, необоснованный страх.

Не всякая установка неосознаваема. Но наибольший интерес представляю проявления именно неосознаваемой установки.

Основные опыты, которые явились отправной точкой для дальнейшего развития концепции Д.Н. Узнадзе, проходили следующим образом. Испытуемому давали в руки два шара разного объема и просили оценить, в какой руке шар больше. Большой шар, предположим, давался в левую руку, меньший - в правую. Испытуемый правильно оценивал объемы шаров, и проба повторялась: снова в левую руку давали больший шар, а в правую - меньший, и испытуемый снова правильно оценивал объемы. Снова повторялась проба, и так раз пятнадцать подряд.

Наконец, в очередной, шестнадцатой пробе неожиданно для испытуемого давались два одинаковых шара с той же самой инструкцией: "сравнить их объемы". И вот оказалось, что испытуемый в этой последней, контрольной пробе оценивал шары ошибочно: он воспринимал их снова как разные по объему. Зафиксировавшаяся установка на то, что в левую руку будет дан больший шар, определяла, или направляла, перцептивный процесс: испытуемые, как правило, говорили, что в левой руке шар меньше. Ошибки этого типа были названы ассимилятивными иллюзиями установки.

Д.Н. Узнадзе, а за ним и его последователи придали принципиальное значение этим результатам. Они увидели в явлениях неосознаваемой установки свидетельство существования особой, "досознательной" формы психики. По их мнению, это ранняя (в генетическом и функциональном смысле) ступень развития любого сознательного процесса.

Третий вид неосознаваемых механизмов - **неосознаваемые сопровождения сознательных действий**. Это неосознаваемые процессы, которые просто сопровождают действия. В эту группу процессов входили произвольные движения, тонические напряжения, мимика и пантомимика, а также большой класс вегетативных реакций, сопровождающий действия и состояния человека.

Многие из этих процессов, особенно вегетативные компоненты, составляют классический объект физиологии. Тем не менее они чрезвычайно важны для психологии. Важность эта определена двумя обстоятельствами.

Во-первых, обсуждаемые процессы включены в общение между людьми и представляют собой важнейшие дополнительные (наряду с речью) средства коммуникации.

Во-вторых, они могут быть использованы как объективные показатели различных психологических характеристик человека - его намерений, отношений, скрытых желаний, мыслей и т.д. Именно с расчетом на эти процессы в экспериментальной психологии ведется интенсивная разработка так называемых объективных индикаторов (или физиологических коррелятов) психологических процессов и состояний.

Второй большой класс неосознаваемых процессов - неосознаваемые побудители сознательных действий. Эта тема тесно связана прежде всего с именем Зигмунда Фрейда.

З. Фрейд был современником В. Вундта, В. Джеймса и Э. Титченера. Когда он начал создавать свою теорию, то отчетливо понимал, насколько она расходится с психологией сознания. Остановимся на вкладе Фрейда - описании и анализе неосознаваемых причин некоторых психических явлений и действий.

Интерес к неосознаваемым процессам возник у Фрейда в самом начале его врачебной деятельности. Толчком послужила демонстрация так называемого постгипнотического внушения, на которой Фрейд присутствовал и которая произвела на него потрясающее впечатление.

Фрейда привлекли следующие особенности феномена постгипнотического внушения.

Во-первых, неосознаваемость причин совершаемых действий. Во-вторых, абсолютная действенность этих причин: человек выполняет задание, несмотря на то, что сам не знает, почему он это делает. В-третьих, стремление подыскать объяснение, или мотивировку, своему ранее запрограммированному действию. Наконец, в-четвертых, возможность иногда путем длительных расспросов привести человека к воспоминанию об истинной причине его действий.

На основании анализа различных фактов психической деятельности З.Фрейд создал свою теорию. Согласно ей в психике человека существуют три сферы: сознание, предсознание и бессознательное.

Типичными обитателями предсознательной сферы, по мнению Фрейда, являются скрытые, или латентные, знания. Это те знания, которыми человек располагает, но которые в данный момент в его сознании не присутствуют.

Область бессознательного обладает другими свойствами.

Прежде всего содержания этой области не осознаются не потому, что они слабы, как в случае с латентными знаниями. Нет, они сильны, и сила их проявляется в том, что они оказывают влияние на наши действия и состояния. Итак, первое отличительное свойство бессознательных представлений - это их действенность. Второе их свойство состоит в том, что они с трудом становятся осознаваемыми. Объясняется это работой двух механизмов, которые постулирует Фрейд, - механизмов вытеснения и сопротивления.

Фрейд выделил три основные формы проявления бессознательного: это сновидения, ошибочные действия (забывание вещей, намерений, имен; описки, оговорки и т.п.) и невротические симптомы.

В **психоанализе** был разработан ряд методов выявления бессознательных аффективных комплексов. Главные из них - это метод свободных ассоциаций и метод анализа сновидений. Оба метода предполагают активную работу психоаналитика, заключающуюся в толковании непрерывно продуцируемых пациентом слов (метод свободных ассоциаций) или сновидений.

Обратимся к третьему классу неосознаваемых процессов - "надсознательным" процессам. Это процессы образования некоего интегрального продукта большой сознательной работы, который затем "вторгается" в сознательную жизнь человека и, как правило, меняет ее течение.

Чтобы понять, о чем идет речь, представьте себе, что вы заняты решением проблемы, о которой думаете изо дня в день в течение длительного времени, исчисляемого неделями или даже месяцами или годами. Это жизненно важная проблема. Вы думаете над каким-то вопросом, или о каком-то лице, или над каким-то событием, которое не поняли до конца и которое вас почему-то очень затронуло, вызвало мучительные размышления, колебания, сомнения. Думая над вашей проблемой, вы перебираете и анализируете различные впечатления и события, высказываете предположения, проверяете их, спорите с самим собой и с другими. И вот в один прекрасный день все проясняется - как будто пелена падает с ваших глаз. Иногда это случается неожиданно и как бы само собой, иногда поводом оказывается еще одно рядовое впечатление, но это впечатление как последняя капля воды, переполнившая чашу. Вы вдруг приобретаете совершенно новый взгляд на предмет, и это уже не рядовой взгляд, не один из тех вариантов, которые вы перебирали ранее. Он качественно новый: он остается в вас и порой ведет к важному повороту в вашей жизни.

Надсознательные процессы отличаются от сознательных, по крайней мере, в следующих двух важных отношениях.

Во-первых, субъект не знает того конечного итога, к которому приведет “надсознательный” процесс. Сознательные же процессы предполагают цель действия, т.е. ясное осознание результата, к которому субъект стремится.

Во-вторых, неизвестен момент, когда “надсознательный” процесс закончится; часто он завершается внезапно, неожиданно для субъекта. Сознательные же действия, напротив, предполагают контроль за приближением к цели и приблизительную оценку момента, когда она будет достигнута.

Подводя итоги всему сказанному, попробуем изобразить человеческое сознание в виде острова, погруженного в море неосознаваемых процессов (рис.3).

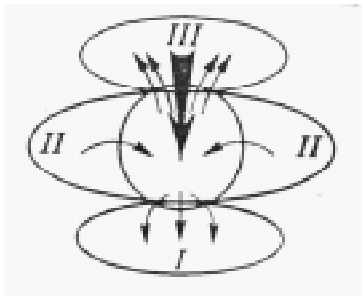

Рис.3. Схема соотношений сознания и неосознаваемых процессов различных классов

Внизу следует поместить неосознаваемые механизмы сознательных действий (I). Это - технические исполнители, или “чернорабочие”, сознания. Многие из них образуются путем передачи функций сознания на неосознаваемые функции.

Наравне с процессами сознания можно поместить неосознаваемые побудители сознательных действий (II). Они имеют тот же ранг, что и сознаваемые побудители, только обладают другими качествами: они вытеснены из сознания, эмоционально заряжены и время от времени прорываются в сознание в особой символической форме.

И наконец, процессы “надсознания” (III). Они разворачиваются в форме работы сознания, длительной и напряженной. Результатом ее является некий интегральный итог, который возвращается в сознание в виде новой творческой идеи, нового отношения или чувства, новой жизненной установки, меняя дальнейшее течение сознания.

2.4. Категория деятельности в психологии. Принцип единства сознания и деятельности

Рассмотрим итоги деятельностного подхода и причины его появления в психологии. Сначала - общее определение сути концепций, которые называют себя “деятельностными”. Ярче всего эту суть раскрывает крылатая фраза из “Фауста” Гете: “В Деянии начало Бытия”. Можно привести еще слова французского психолога Анри Валлона, ставшие названием его переведенной на русский язык книги - “От действия к мысли”. Но наиболее информативное и одновременно краткое определение сути деятельностного подхода дал один из его сторонников, автор оригинальной концепции Петр Яковлевич Гальперин.

П.Я. Гальперин: “Сейчас в советской психологии активно обсуждается “деятельностный подход” к изучению психики (А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн). По-моему, это означает: требование изучать психическую деятельность не саму по

себе, а в составе внешней предметной (в логическом смысле) деятельности субъекта; изучать ее по роли в этой внешней деятельности, которая определяет самую необходимость психики, и ее конкретное содержание, и ее строение; рассматривать психическую деятельность не как безличный процесс (что было характерно для ассоцианистической, физиологической, бихевиористической, гештальтистской и психоаналитической психологии), а как деятельность субъекта в плане психического отражения проблемной ситуации” [8, с.5].

Здесь упомянуты два имени, без которых нельзя представить себе деятельностного подхода в психологии: Сергей Леонидович Рубинштейн и Алексей Николаевич Леонтьев. Каждый из них создал свой вариант теории деятельности. Здесь важно отметить, что существует разный отсчет времени возникновения деятельностного подхода.

Связано это, в частности, с разным представлением об “авторстве” **принципа деятельности** в психологии. Одни исследователи считают, что принцип деятельности был сформулирован Рубинштейном еще в 1922 году в его статье “Принцип творческой самодеятельности”, в то время как в советской психологии в 20-е и в начале 30-х гг. господствовал “недеятельностный подход”, представленный, в частности, школой Выготского. Другие авторы, наоборот, считают, что фундаментальное значение для развития понятия деятельности имели как раз работы Выготского на рубеже 20-30-х гг., а параллельно шел другой процесс введения категории деятельности в психологию в произведениях Рубинштейна, начиная с 1934 г.

Более правильно говорить о предпосылках деятельностного подхода в психологии, которые начинают складываться в 20-е годы, и появлении такого подхода в 30-е годы. Противостояние двух вариантов деятельностного подхода, о которых мы все время говорим, обнаружилось в явном виде уже позже - на рубеже 40-50 годов.

Условиями возникновения деятельностного подхода в 20-е годы стали, во-первых, кризис в психологии; во-вторых, сдвиг тематики формирующейся советской психологии с довольно абстрактных лабораторных исследований на изучение процессов трудовой деятельности и психических процессов в ней.

Третьим условием появления в нашей стране деятельностного подхода стало неизбежное в тех исторических обстоятельствах обращение психологов к философии марксизма, в которой, как известно, категория деятельности играет чрезвычайно большую роль. Советские психологи провозгласили необходимость создания новой, “марксистской” психологии, которая опиралась бы на философию марксизма (Э. Корнилов, Л.С.Выготский, П.П.Блонский и М.Я.Басов). По оценкам некоторых исследователей, первым ввел в психологию термин “деятельность” М.Я.Басов. Правда, А.Н. Леонтьев считает, что хотя Басов и использовал именно термин “деятельность”, но пытался вложить в него старое содержание [10, с.112,113].

Наконец, в-четвертых, определенная традиция, ставящая в центр психологических исследований “деятельностные” категории, в частности “действие”, была во французской психологии. Владимир Петрович Зинченко, специально анализировавший вопрос истоков деятельностного подхода в варианте Леонтьева, отмечал, что “А.Н.Леонтьев превосходно знал французскую психологию”. Сам Зинченко имел в виду оказавшую влияние на Леонтьева “деятельностную трактовку интеллекта”, идущую от Анри Бергсона к Пьеру Жане, Анри Валлону и Жану Пиаже [11, с.46].

В 1922 г. была опубликована статья С.Л.Рубинштейна “Принцип творческой самодеятельности”, которая послужила как бы этапом на пути “психологического”

освоения идей Маркса и конкретной разработки принципа, который получил название **“принцип единства сознания и деятельности”**. В этой статье дается первая формулировка данного принципа. Выходит на эту проблематику Рубинштейн в связи с анализом процесса познания как творческой деятельности. Рубинштейн пишет, что познание всегда есть творческая самодетельность, и объективность познания предполагает не “рецепцию” (созерцание), а конструктивный характер знания. Деяния исходят из субъекта, он проявляется в своих деяниях - эту мысль можно найти еще у Канта. Но у Канта нет указания на обратное воздействие деяний на субъекта. Рубинштейн формулирует принцип единства субъекта (сознания) и деятельности.

С.Л.Рубинштейн: “Субъект в своих деяниях, в актах творческой самодетельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого. Большие исторические религии понимали и умели ценить эту определяющую силу действий. И культ был не чем иным, как попыткой посредством организации определенных действий породить соответствующее умонастроение... Индивидуальность большого художника не только проявляется, она и создается в процессе творчества... Лишь в созидании ... этического, социального целого создается нравственная личность. Лишь в организации мира мыслей формируется мыслитель” [12, с.106].

В этой небольшой статье содержалась фактически программа построения новой деятельностной психологии, пусть еще в зародыше. И это было еще до прихода Выготского в большую психологию, до его методологических формулировок.

В своих работах “ленинградского периода”, продолжавшегося до 1942 г., Рубинштейн утверждает и доказывает, что базу для построения новой конкретной и содержательной психологии может составить философия марксизма.

Рубинштейн анализирует работы Маркса, раскрывает их значение для психологии. Особую роль играет здесь Марксова концепция деятельности.

С.Л.Рубинштейн: “Не в том была ошибка поведенчества, что оно и в психологии хотело изучать человека в его деятельности, а прежде всего в том, как оно понимало эту деятельность... Маркс, пользуясь гегелевской терминологией, определяет человеческую деятельность как опредмечивание субъекта, которое вместе с тем есть распредмечивание объекта... . Вся деятельность человека для Маркса есть опредмечивание его самого, или, иначе, процесс объективного раскрытия его “сущностных сил”... Итак, деятельность человека - не реакция на внешний раздражитель, она также не делание как внешняя операция субъекта над объектом - она “переход субъекта и объект..”. Поскольку деятельность человека есть опредмечивание, объективирование его или переход субъекта в объект, раскрытие в объектах его деятельности его сущностных сил, в том числе его чувств, его сознания, постольку предметное бытие промышленности есть раскрытая книга человеческих сущностных сил, чувственно предлежащая перед нами человеческая психология...

Но опредмечивание или объективирование не есть “переход к объекту” уже готового, независимо от деятельности данного субъекта, сознание которого лишь проецируется вовне. В объективировании, в процессе перехода в объект формируется сам субъект. “Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной человеческой чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз...” [13, с.24,25].

Итак, деятельность, по Марксу, понимается не как совокупность реакций, а как целенаправленная активность субъекта, продуктивная, общественная по своему характеру, неизбежно включающая в себя “психологические компоненты” в виде целей, языковых и других значений, смыслов и тому подобное.

Таким образом, на основе анализа работ Маркса Рубинштейн намечает объективный подход к анализу сознания человека, о котором говорит и Выготский в несколько ином контексте: бытие сознания не исчерпывается его данностью самосознанию переживающего субъекта: это вторичная, генетически более поздняя форма, появляющаяся у человека. Первой, объективной, формой существования психического является “жизнь и деятельность” [13, с.21]. Отсюда принцип единства сознания и деятельности.

С.Л.Рубинштейн: “Формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности, в поведении и проявляется. Деятельность и сознание - не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое - не тождество, но единство...”

Сам факт осознания своей деятельности изменяет условия ее протекания, а тем самым ее течение и характер; деятельность перестает быть простой совокупностью ответных реакций на внешние раздражители среды; она по-иному регулируется; закономерности которым она подчиняется, выходят за пределы одной лишь физиологии; объяснение деятельности требует раскрытия и учета психологических закономерностей. С другой стороны, анализ человеческой деятельности показывает, что самая осознанность или неосознанность того или иного действия зависит от отношений, которые складываются в ходе самой деятельности... Сознание не является внешней силой, которая извне управляет деятельностью человека. Будучи предпосылкой деятельности, сознание вместе с тем и ее результат. Сознание и деятельность человека образуют подлинное единство” [14, с.26,27].

В истории отечественной психологии Рубинштейн сначала сформулировал принцип единства сознания и деятельности именно в такой “абстрактной форме”, а впоследствии этот принцип стал разрабатываться эмпирически в самых различных исследованиях (как в школе Рубинштейна, так и параллельно - в школе Леонтьева).

2.4.1. Проблема единства сознания и деятельности в антропогенезе

Возникновение сознания в антропогенезе Леонтьев связывает с изменением характера деятельности тех антропоидов, которые стали предками человека современного типа. Деятельность этих антропоидов становится трудовой.

По формулировке Леонтьева, труд - это:

- 1) процесс, связывающий человека с природой, процесс, в котором человек изменяет “материал природы”, приводя в действие свои “сущностные силы” и тем самым изменяет самого себя;
- 2) процесс употребления и изготовления орудий;
- 3) процесс, социальный по своему характеру, т.е. совершающийся в условиях коллективной совместной деятельности.

В процессе труда образуются в группе антропоидов коллективные представления. Они являются результатом изначально практического, объективно-деятельностного отношения субъекта или субъектов деятельности к миру.

А.Н. Леонтьев: “Употребление топора не только отвечает цели практического действия: оно вместе с тем объективно отражает свойства того предмета - предмета труда, на который направлено его действие. Удар топора подвергает

безошибочному испытанию свойства того материала, из которого состоит данный предмет; этим осуществляется практический анализ и обобщение объективных свойств предметов... Таким образом, именно орудие является как бы носителем первой настоящей сознательной и разумной абстракции, первого настоящего сознательного и разумного обобщения” [16. с.285].

Однако этот практический анализ и обобщение объективных свойств предметов внешнего мира происходит только при условии овладения этим орудием. А что значит овладеть предметом? Уметь использовать его “по назначению”, т.е. овладеть общественно выработанным способом его употребления в процессе коллективного труда. Орудие есть “материализованная форма” существования определенного способа действия, операции.

2.4.2. Принцип единства сознания и деятельности в онтогенетических исследованиях

В теории планомерно-позапного формирования умственных действий П.Я.Гальперина четко разделяется собственно ориентировочная часть действия и его исполнительная часть: “именно ориентировочная часть в первую очередь отвечает за ход обучения и качество его результатов” [17, с.6]. Чтобы сформировать у ребенка представление о том, что и в какой последовательности нужно делать, необходимо сначала составить полный “алгоритм” выполнения заданий, т.е. схему ориентировочной основы действия, и дать ее ребенку в форме не только “устных указаний и объяснений”, как это обычно бывает, а во внешней, “материализованной” форме: например, в виде карточки, на которой это все расписано.

Ребенок должен не просто заучить нужные формулировки, а научиться правильно выполнять нужное действие по этому алгоритму. Собственно “заучивание” придет само, даже незаметно для ребенка. Действие на этом этапе максимально развернуто и выполняется фактически с опорой на внешние вспомогательные средства, т.е. в материальной или материализованной форме.

Через некоторое время для ребенка внешнее средство перестает быть нужным: он заучил последовательность своих действий, причем не просто в словесных формулировках, а на уровне понимания смысла каждого из них. На этом этапе учитель требует от ребенка предварительного проговаривания вслух каждого “шага” решения задачи (этап громкой речи). Оказывается, если пропустить этот этап, ребенок будет делать ошибки при решении задачи без опоры на карточку. Собственно внутреннее действие у него еще не сформировалось, и проговаривание вслух служит необходимым средством такого формирования. Далее следует этап “внешней речи про себя”, когда ребенок проговаривает про себя всю последовательность необходимых действий, и, наконец, этап “действия в скрытой речи”, или собственно “умственного действия”, когда кажется, что для выполнения задания уже ничего не нужно, кроме как “подумал и решил”. На самом деле, за умственным действием лежит целый ряд процессов его длительного и поэтапного формирования, причем действие претерпевает изменения по ряду параметров. С помощью такого поэтапного формирования могут быть приобретены не только навыки решения задач, но и навыки чтения чертежей, грамматического анализа, опознания сложных объектов и т.п., что имеет самое непосредственное практическое применение [18].

Таковы одни результаты разработки принципа единства сознания и деятельности в онтогенетических исследованиях. Но существует еще один мощный поток исследований, связанный с понятием “ведущая деятельность”.

Проблемой “ведущей деятельности” и периодизацией психического развития в онтогенезе занимался Д.Б.Эльконин.

Идея ведущей деятельности принадлежит Леонтьеву, который считал, что в различных стадиях психического развития ребенка отдельные деятельности, им выполняемые, играют неодинаковую роль: одни - большую, другие - меньшую. В целом на каждом возрастном этапе существует своя система этих деятельностей, одна из которых является “системообразующей”, или ведущей.

А.Н.Леонтьев: “Признаком ведущей деятельности отнюдь не являются чисто количественные показатели. Ведущая деятельность - это не просто деятельность, наиболее часто встречающаяся на данном этапе развития, деятельность, которой ребенок отдает больше всего времени.

Ведущей мы называем такую деятельность ребенка, которая характеризуется следующими тремя признаками.

Во-первых, это такая деятельность, в форме которой возникают и внутри которой дифференцируются другие, новые виды деятельности. Так, например, обучение в более тесном значении этого слова, впервые появляющееся уже в дошкольном детстве, прежде возникает в игре, т.е. именно в ведущей на данной стадии развития деятельности. Ребенок начинает учиться, играя.

Во-вторых, ведущая деятельность - это такая деятельность, в которой формируются или перестраиваются частные психические процессы. Так, например, в игре впервые формируются процессы активного воображения ребенка, в учении - процессы отвлеченного мышления. Из этого не следует, что формирование или перестройка всех психических процессов происходит только внутри ведущей деятельности. Некоторые психические процессы формируются и перестраиваются не непосредственно в самой ведущей деятельности, но в других видах деятельности, генетически с ней связанных. Так, например, процессы абстрагирования и обобщения цвета формируются в дошкольном возрасте не в самой игре, но в рисовании, цветной аппликации и т.п., т.е. в тех видах деятельности, которые лишь в своем истоке связаны с игровой деятельностью.

В-третьих, ведущая деятельность - это такая деятельность, от которой зависят наблюдаемые в данный период развития основные психологические изменения личности ребенка. Так, например, ребенок-дошкольник именно в игре осваивает общественные функции и соответствующие нормы поведения.

Таким образом, ведущая деятельность - это такая деятельность, развитие которой обуславливает главнейшие изменения в психических процессах и психологических особенностях личности ребенка на данной стадии его развития” [16, с.514, 515].

Развивая эти идеи, Эльконин пришел к стройной системе периодизации психического развития ребенка, в основе которой лежал принцип ведущей деятельности.

2.4.3. Проблема единства сознания и деятельности в функционально-генетических исследованиях.

Рассмотрим функционально-генетические, или актуалгенетические исследования проблемы единства сознания и деятельности, которые, в частности, представлены “военными” работами П.Я.Гальперина, А.Н.Леонтьева и др.

И здесь нам вновь придется вспомнить о двух планах сознания, о которых мы уже говорили: сознании-образе и сознании-деятельности. В центре функционально-генетических исследований в русле деятельностного подхода все больше становится сознание-образ, т.е. образно-смысловая сторона психического. Здесь следует вспомнить и формулу Рубинштейна: “Формируясь

в деятельности, психика, сознание в деятельности, в поведении и проявляется... Сам факт осознания своей деятельности изменяет условия ее протекания, а тем самым ее течение и характер; деятельность перестает быть простой совокупностью ответных реакций на внешние раздражители среды; она по-иному регулируется; закономерности, которым она подчиняется, выходят за пределы одной лишь физиологии..." [14, с.26].

Это положение иллюстрируется рядом исследований П.Я.Гальперина, проведенных им вместе с другими психологами во время войны в госпитале, на материале военных ранений, приведших к ограничению подвижности рук. В одном из них, проведенном вместе с Т.О.Гиневской, перед испытуемым ставилось последовательно несколько задач: поднять руку как можно выше, при этом глаза должны быть закрыты; поднять руку как можно выше, не закрывая глаз; поднять руку до определенной цифры на экране; взять раненной рукой какой-либо предмет, который располагался достаточно высоко. И что же оказалось? Раненые, которые при первом задании могли поднять руку до определенной высоты и отказывались сделать еще одно движение чуть-чуть выше, поднимали руку все выше и выше в последующих заданиях.

А.Н.Леонтьев: "Этот факт свидетельствует о том, что реальные функциональные возможности пораженной руки изменяются в зависимости от характера задачи. Каким же образом задача может определить собой функцию? Дальнейший анализ показывает, что это возможно потому, что разные задачи требуют и разных "механизмов" движения, что, иначе говоря, внешне одинаковое движение совершается в условиях разных задач по-разному" [19, с.33].

Перечисленные в исследовании Гальперина и Гиневской задания требовали разных уровней построения движения, за которые "отвечали" разные физиологические и даже анатомические механизмы.

Однако - и это главное - включение в процесс построения движения той или иной анатомической структуры мозга было обусловлено психологически, а именно - смыслом данного движения в том или другом случае.

Отсюда необходимость изучения собственно "динамических смысловых систем", "смысловых образований", процессов "решения задач на смысл", "производства смыслов", которые становятся центральными в последних исследованиях сторонников деятельностного подхода.

В школе Рубинштейна также разрабатывался эмпирически принцип единства сознания и деятельности, особенно в ленинградский период творчества Рубинштейна. Эти исследования представляли собой "начальное звено большого плана", как говорил сам Рубинштейн [9, с.126]. Однако реализации его замыслов помешала начавшаяся вскоре война, а затем и другие исторические события: в связи с инициированной властями "борьбой с космополитизмом" Рубинштейн, переехавший к этому времени в Москву, был снят в 1949 г. со всех постов "за преклонение перед иностранщиной". Только в 1953 г. Рубинштейн получил возможность нормально работать. К этому периоду, однако, его интересы несколько меняются: в центр его исследований становятся проблемы мышления и процессуальных аспектов психического. В это время Рубинштейн формулирует два новых принципа, на которых, по его мнению, должна была базироваться общая теория психологии: принцип детерминизма и понимание психического как процесса. В начале 50-х годов вокруг Рубинштейна складывается новая школа со своей исследовательской программой, которая теоретически и экспериментально разрабатывает прежде всего именно данные проблемы, в частности проблему мышления.

Литература

1. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1988.
2. Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. М., 1995.
3. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. М., 1974.
4. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме: Избр. филос. произведения. М., 1960.
5. Уотсон Дж. Психология как наука о поведении. Киев, 1926.
6. Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций. М., 1996.
7. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966.
8. Гальперин П.Я. Ответы на вопросы//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1992. N 4. С.3-10.
9. Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. М., 1989.
10. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопр. психологии. 1986. N 4. С. 109-120.
11. Зинченко В.П. Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1993. N 2. С. 41-51.
12. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности//Вопр. психологии. 1986. N4. С. 101-108.
13. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 т. М., 1989.
15. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Л.С.Выготский Собр. соч. В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291-436.
16. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
17. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М., 1985.
18. Управляемое формирование психических процессов. М., 1977.
19. Леонтьев А.Н. Психологическое исследование движения после ранений руки // А.Н. Леонтьев. Избран. психолог. произвед. В 2 т. М., 1983. Т.2.

3. ПРИРОДА И КАЧЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА

Эволюционно-биологическими аспектами психики занимается зоопсихология. Однако многие из изучаемых ею вопросов связаны с фундаментальными психологическими проблемами общей психологии.

В самом деле, для того, чтобы понять природу психики вообще или специфику психики человека, необходимо дать ответы на такие вопросы, как, например: когда и почему в ходе биологической эволюции возникла психика? или: как развивалась и усложнялась психика?

Углубление в филогенетическую историю психики неизбежно подводит к вопросу о ее объективном критерии.

Очевидно, что, обсуждая психику животных, нельзя пользоваться субъективным критерием: мы не знаем и, наверное, никогда не узнаем, что чувствует (переживает, ощущает) дождевой червь или муравей. Тем более нелегко ставить такой вопрос в отношении каких-то существ, которые жили в далеком биологическом прошлом. Единственный путь - найти **объективный критерий психики**, т.е. такой внешне наблюдаемый и регистрируемый признак, который позволяет утверждать, что у данного организма есть психика.

Понятно, что если будут найдены такие свойства внешнего поведения животного, которые связаны с психикой и именно с ней, то можно будет

приблизительно сказать, где находится граница, которая разделяет непсихические (допсихические) и психические формы существования материи.

В истории естествознания существовали различные попытки “локализовать” психику в природе. Среди них можно назвать теорию “панпсихизма”, согласно которой душой наделена вся природа, в том числе и неживая (например, камни). Теория “биопсихизма” приписывала психику всему живому, включая растения. Напротив, сильно сужала круг обладателей психики теория “антропоспсихизма”: согласно ей психика существует только у человека, а животные, как и растения, только “живые автоматы”. Концепция “нейропсихизма” относилась к психике только к существам, обладающим нервной системой и т.п.

Во всех этих представлениях критерии психического были внешними по отношению к форме существования организма (предмета). Психика приписывалась какому-либо существу не потому, что оно обнаруживало определенные свойства поведения, а просто потому, что оно принадлежало к определенному классу объектов; наличие же психики у данного класса постулировалось аксиоматически.

Другую группу теорий составляют те, которые исходят из внутренних, функциональных, критериев. Это более современные теории, и все они не опускаются в поисках психики ниже животного мира. Однако критерии, которые они выдвигают, приводят и здесь к разной локализации “порога” психического. Вот некоторые из них: способность к поисковому поведению, способность к “гибкому” (в отличие от жестко запрограммированного) приспособлению к среде, т.е. к индивидуальному обучению, способность к “проигрыванию” действия во внутреннем плане и др.

Разнообразие всех этих точек зрения говорит о том, что мы имеем дело здесь скорее с дискуссионными гипотезами, чем с хорошо разработанными теориями. Однако среди таких гипотез есть одна, которая получила наибольшее развитие и признание. Она принадлежит А.Н. Леонтьеву. Рассмотрим ее несколько подробнее [2].

В качестве объективного критерия психики А.Н.Леонтьев предлагает рассматривать способность живых организмов реагировать на биологически нейтральные воздействия [2]. **Биологически нейтральные** (или “**абиотические**”) **воздействия** - это те виды энергии или свойства предметов, которые не участвуют непосредственно в обмене веществ. Сами по себе эти воздействия не полезны и не вредны; ими животное не питается, они не разрушают его организм.

Почему же оказывается полезным их отражать, или на них реагировать? Потому что они находятся в объективно устойчивой связи с биологически значимыми объектами и, следовательно, являются их потенциальными сигналами. Если живой организм приобретает способность как отражать биологически нейтральные свойства, так и устанавливать их связь с биологически существенными свойствами, то возможности его выживания оказываются несравненно более широкими.

Рассмотрим пример. Звуком не питается ни одно животное, равно как от звука обычной интенсивности животное не погибает. Но звуки в природе - важнейшие сигналы живой пищи или приближающейся опасности.

Отражение биологически нейтральных свойств оказывается неразрывно связанным с качественно иной формой активности живых существ - поведением. До того процессы жизнедеятельности сводились к усвоению питательных веществ, выделению, росту, размножению и т.п. Теперь появляется как бы вставленная активность. Она “вставлена” между актуальной ситуацией и биологическим витальным актом - обменом веществ. Смысл этой активности

состоит в том, чтобы обеспечить биологический результат там, где условия не позволяют реализоваться ему непосредственно, сразу.

Введем два фундаментальных понятия, которые связаны с предложенным критерием: это понятия "раздражимость" и "чувствительность".

Раздражимость - это способность живых организмов реагировать на биологически значимые воздействия. Корни растения раздражимы по отношению к питательным веществам, которые содержатся в почве: при соприкосновении с раствором этих веществ они начинают их всасывать.

Чувствительность - это способность организмов отражать воздействия, биологически нейтральные, но объективно связанные с биотическими свойствами.

Когда речь идет о чувствительности, "отражение", согласно гипотезе А.Н.Леонтьева, имеет два аспекта: объективный и субъективный. В объективном смысле "отражать" - значит реагировать, прежде всего двигательно, на данный агент. Субъективный аспект выражается во внутреннем переживании, ощущении, данного агента. Раздражимость же субъективного аспекта не имеет.

Предположение о том, что субъективная форма отражения впервые появляется вместе с реакциями на абиотические раздражители, является очень важной научной гипотезой. Ввиду этого А.Н.Леонтьев организовал ее экспериментальную проверку.

Хотя гипотеза А.Н.Леонтьева относится к происхождению ощущения у животных, проверку ее он мог организовать только на человеке, используя его способность давать отчет о своем субъективном опыте.

В одной из основных серий опытов у взрослых испытуемых вырабатывалась условная двигательная реакция на неощущаемый раздражитель. Главный вопрос состоял в следующем: появится ли вместе с реакцией на нейтральный раздражитель его ощущение?

Суть методики состояла в следующем. Испытуемый помещал палец правой руки на электрический ключ, через который он мог получать достаточно ощутимый удар током. Перед каждым ударом ладонная поверхность руки засвечивалась зеленым светом в течение 45 с; когда свет выключался, сразу давался ток. Испытуемому говорили, что перед ударом тока его ладонь будет подвергаться очень слабому воздействию; если он научится улавливать это воздействие, то сможет снимать палец с ключа до подачи тока. Чтобы испытуемый при этом не снимал руку без всякого повода, ему сообщали, что за каждую "ложную тревогу" он будет в следующей пробе наказываться током. Таким образом, принимались все меры к тому, чтобы побудить испытуемого активно "вчувствоваться" в слабые оптические воздействия, подаваемые на ладонь.

Главный объективный результат опытов состоял в том, что испытуемые научились заранее снимать руку с ключа в ответ на засвет ладони. Главное субъективное событие при этом заключалось в появлении неясных, недифференцированных, но все-таки достаточно заметных ощущений в ладони. По отчетам испытуемых эти ощущения и были основанием для снятия руки с ключа*.

В дополнительных сериях того же исследования были установлены по крайней мере еще два важных факта.

Во-первых, оказалось, что если испытуемый не предупреждался о предвещающих засветах и не пытался их "уловить", то не возникало ни объективного, ни субъективного результата: у него не вырабатывалась условная двигательная реакция (снятие руки с ключа) на засветы руки и не возникало

*Конечно, в опытах принимались меры к тому, чтобы испытуемые не могли связать удар током ни с какими другими ощущаемыми воздействиями - зрительными, слуховыми, тепловыми и т.п.

ощущение этих воздействий. Иными словами, было доказано, что неизменным условием превращения неоощуемых воздействий в оощуемые является состояние активного поиска организма (или субъекта).

Во-вторых, выяснилось, что описанные кожные оощущения возникали не вслед за выработкой условной двигательной реакции, а, наоборот, до нее; они являлись непрерывным условием такой выработки. Иными словами, оощущение засвета всегда опосредствовало снятие руки.

Этот результат А.Н.Леонтьев связывает с одним из фундаментальных методологических положений его концепции о том, что оощущение как элементарная форма психического - это не явление, которое надстраивается над условно-рефлекторными процессами и не имеет никакой функции. Наоборот, оно составляет необходимое звено условного приспособительного акта. Функция этого “звена” - ориентировать организм относительно значимых условий среды, опосредствовать его витальные приспособительные акты.

Таким образом, на вопрос: “Почему в ходе биологической эволюции возникла психика?”, - материалистическое естествознание отвечает так: “Потому что психика обеспечивает более эффективное приспособление к среде.”

По существу, такой ответ означает, что возникновение и развитие психики в животном мире подчинялось действию общего закона эволюции, согласно которому закреплялось то, что было биологически полезно.

Развивая это представление, А.Н.Северцов обратил внимание на два принципиально различных способа приспособления живых организмов к изменениям условий среды: путем изменения строения и функционирования органов и путем изменения поведения без изменения организации [4, с.297].

Первый способ был общим у растений и животных; второй имел место только у животных и был связан с развитием психики. Внутри второго (поведенческого, или психического) способа приспособления А.Н.Северцов выделил, в свою очередь, два различных направления.

Одно из них состояло в медленных изменениях наследуемых форм поведения - **инстинктов**. Эволюция инстинктов происходила под влиянием медленно протекающих изменений внешней среды. Ее темпы совпадали с темпами изменения морфологической организации животных.

Другое направление состояло в развитии способности к индивидуальному научению, или, по терминологии А.Н.Северцова, способности к “разумным действиям”.

“**Разумные действия**”, по А.Н.Северцову, - это быстрые изменения поведения, своего рода “изобретения” новых способов поведения в ответ на быстрые изменения среды, перед лицом которых инстинкт оказывается беспомощным. Эти действия не должны были фиксироваться, передаваться по наследству, ибо их преимуществом была их высокая пластичность. Поэтому по наследству передавалась лишь способность к ним. Последняя, по мысли А.Н.Северцова, и определяет высоту психической организации животного.

Ниже мы остановимся на современном состоянии проблемы инстинкта и научения. Многие сейчас понимаются иначе, чем во времена А.Н.Северцова. Однако его идея о двух различных механизмах развития поведения (путем изменения инстинкта и путем приобретения индивидуального опыта), равно как и самая общая оценка психики как важнейшего фактора эволюции, остаются важными и бесспорными теоретическими положениями.

Итак, еще раз: психика возникла потому, что она оказалась “могучим средством приспособления животных к окружающей среде” [4, с.298].

Значительно труднее ответить на вопрос: как возникла психика?

Согласно предположению А.Н.Леонтьева, толчком к появлению психического отражения в форме чувствительности мог послужить переход от жизни в однородной, гомогенной среде к среде дискретных, вещно-оформленных объектов. Вот как он описывает главные события этого процесса.

По его мнению, вполне вероятно, что простейшие живые организмы существовали в гомогенном растворе питательных веществ, с которыми они были в непосредственном контакте. Для усвоения этих веществ им достаточно было простой раздражимости.

Если биотических свойств, к которым были раздражимы организмы, было несколько, то витальная реакция на одно из них могла подготавливать (обуславливать) реакцию на другое. Иными словами, уже на стадии раздражимости какие-то свойства могли приобретать двоякую функцию: непосредственного участия в обмене веществ и сигнализации о другом жизненно важном воздействии.

Следующий шаг мог состоять в том, что из-за изменений среды некоторые воздействия перестали быть витально значимыми сами по себе. Однако организм продолжал на них реагировать как на сигналы биотических воздействий. Это и означало появление чувствительности.

Таким образом, чувствительность, вероятно, появилась на базе раздражимости. Она означала качественно новый тип отражения. Вместе с ней впервые появилась способность организма отражать объективные связи между свойствами среды.

Естественно, что появиться и получить дальнейшее развитие этот тип отражения мог лишь в условиях, где существовала устойчивая связь между объектами или их отдельными свойствами. Такую устойчивую связь и обеспечивала вещно-оформленная среда.

Рассмотрим процесс развития психики. Здесь также, как и в вопросе о происхождении психики, нет прямых свидетельств, поэтому мы вынуждены строить гипотезы, опираясь на общие соображения и доступный фактический материал.

Таким материалом могут служить, с одной стороны, данные палеонтологии. Однако они настолько скудны и отрывочны, что не позволяют восстановить эволюцию даже морфологических форм, не говоря уже об эволюции психики животных. С другой стороны, имеются данные сравнительной зоопсихологии. Они неизмеримо более ценны, поскольку реально наблюдаемы. Однако нужно помнить, что их значение для восстановления филогенеза психики ограничено.

Дело в том, что не одно ныне живущее животное, даже самой примитивной организации, не может рассматриваться как прародитель более высокоорганизованных животных. Современная инфузория - такой же продукт длительной эволюции, как и современное высшее млекопитающее. Поэтому "выстраивая" современных животных в некоторую последовательность на основе признаков усложнения психики и поведения, нельзя получить реального филогенетического ряда. Несмотря на это, главные тенденции развития психики этим методом могут быть выявлены.

В качестве таких основных тенденций отмечаются следующие:

- усложнение форм поведения (форм двигательной активности);
- совершенствование способности к индивидуальному научению;
- усложнение форм психического отражения (одновременно как следствие и как фактор предыдущих тенденций).

Прежде чем перейти к краткой характеристике отдельных стадий эволюционного развития психики, остановимся на двух важных общих положениях.

Первое положение: как показал А.Н.Леонтьев, каждая новая ступень психического развития начинается с усложнения деятельности, практически связывающей животное с окружающим его миром. Новая же форма психического отражения возникает вслед за этим усложнением деятельности и, в свою очередь, делает возможным ее дельнейшее развитие.

Так, по мнению А.Н.Леонтьева, в период зарождения психики деятельность животных начала складываться в вещно-оформленной среде и должна была подчиняться объективным связям между различными свойствами вещей. Однако предметом отражения были не эти связи, а лишь отдельные, изолированные свойства. На следующей ступени деятельность животных определялась уже отношениями между предметами, т.е. целыми ситуациями, обеспечивалась же она отражением отдельных предметов.

Итак, первое положение заключается в утверждении примата деятельности в развитии психического отражения. Второе общее положение: имеет место несовпадение линий биологического и психического развития животных. Например, животное, стоящее на более высокой ступени биологического развития (согласно зоологической систематике), не обязательно обладает и более развитой психикой.

К.Э.Фабри объясняет это несовпадение в первую очередь неоднозначным соотношением между морфологией животных (на которой основана их зоологическая систематика) и образом их жизни. Пластичная приспособляемость поведения может привести к решению одной и той же биологической задачи за счет использования разных морфологических средств и, наоборот, одни и те же морфологические органы могут выполнять весьма различные функции. Таким образом, уровень психического развития животного определяется сложным соотношением таких факторов, как его морфология, условия жизни (экология) и его поведенческая активность.

Остановимся кратко на периодизации эволюционного развития психики. А.Н.Леонтьев выделяет в эволюционном развитии психики три стадии:

1) стадию элементарной сенсорной психики;

2) стадию перцептивной психики;

3) стадию интеллекта.

К.Э.Фабри сохраняет лишь две первые стадии развития психики, растворяя стадию интеллекта в стадии перцептивной психики по причине трудности разделения “интеллектуальных” и “неинтеллектуальных” форм поведения высших млекопитающих. Затем К.Э.Фабри вводит разделение каждой стадии по крайней мере на два уровня: высший и низший, допуская возможность существования также и промежуточных уровней.

Животные на стадии элементарной сенсорной психики способны отражать лишь отдельные свойства внешних воздействий.

У простейших обнаружены элементарные формы индивидуального научения. Оно проявляется в основном в эффектах привыкания. Так, парameции, заключенные в квадратный (или треугольный) сосуд и привыкшие плавать вдоль его стенок, сохраняют некоторое время квадратную (соответственно треугольную) форму траектории, будучи перемещенными в круглый сосуд (опыты Ф.Бромштеда).

Некоторые данные заставляют предположить, что простейшие способны также к ассоциативному научению, т.е. к выработке условных реакций.

Таким образом, поведение простейших иллюстрирует ряд рассмотренных выше положений.

Мы видим, во-первых, что простейшие реагируют на абиотические воздействия среды.

Во-вторых, отчетливо выступает приспособительная функция психики, выражающаяся в ориентировании поведения (положительные и отрицательные таксисы), а также, хотя и в самых элементарных формах, в изменении поведения в результате индивидуального опыта.

В-третьих, у некоторых простейших можно наблюдать преемственную связь между раздражимостью и чувствительностью.

Наконец, как показали специальные исследования, высшие представители простейших превосходят по сложности своего поведения некоторых примитивных многоклеточных животных, подтверждая положение об отсутствии соответствия между уровнями биологического и психического развития.

Перейдем к стадии перцептивной психики. Представители этой стадии отражают внешнюю действительность в форме не отдельных ощущений, а целостных образов вещей.

На данной стадии находятся наиболее знакомые нам животные, прежде всего позвоночные, начиная с рыб и кончая млекопитающими, в том числе приматами; к ней же принадлежат практически все членистоногие, в том числе насекомые, а также головоногие моллюски.

Понятно, что на этой стадии мы встречаемся с труднообозримым разнообразием форм и проявлений психики.

Пожалуй, самое общее, что объединяет это разнообразие, заключается в чрезвычайном разрастании и усложнении “промежуточных” или “предваряющих” форм поведения на пути к конечным биологическим целям. Если на самом раннем этапе психика проявлялась в реакциях приближения - ухода, то теперь такие реакции превращаются часто в развернутую многозвенную цепь действий. Благодаря этим действиям конечные акты питания, самосохранения, размножения как бы отодвигаются во времени и в пространстве и одновременно эффективно обеспечиваются. Достаточно вспомнить многие совершенные способы добывания пищи, защиты от нападения, строительства жилищ, не говоря уже о сложном ориентировочно-исследовательском поведении высших животных.

Более сложное строение деятельности у представителей перцептивной психики связано, по Леонтьеву, с выделением операций.

Операции - это относительно самостоятельные акты, содержание которых отвечает не самому предмету потребности, а условиям, в которых он находится. Выделение операции возможно только при отражении целостных предметов и ситуаций, и, в свою очередь, стимулирует развитие такого отражения.

Следуя этой мысли А.Н.Леонтьева, можно сказать, что для дождевого червя (представителя сенсорной психики), который освоил в лабиринте путь к пище, образ пищи (предмет потребности) и путь к ней (условия) еще слиты в единый нерасчлененный образ - комплекс свойств. В ходе обучения он своим движениями прилагивается к траектории пути, но не отражает ее как таковую; при изменении пути он снова должен пройти период обучения (переучивания) новой траектории.

В отличие от этого собака способна воспринять как независимые предметы пищу и преграду на пути к ней. В своих действиях она соотносится со свойствами этой преграды - ее формой, протяженностью, высотой, и если преграда окажется другой, то животное с места изменит способ ее преодоления.

Мы не будем специально останавливаться на характеристике различных стадий перцептивной психики. Вместо этого рассмотрим основные особенности психики животных, имея в виду ее отличие от психики человека.

Основу всех без исключения форм поведения животных составляют инстинкты, точнее, инстинктивные действия, т.е. генетически фиксированные, наследуемые элементы поведения. Как морфологические признаки, они воспроизводятся в каждой особи данного вида в относительно неизменной форме.

Высокая целесообразность инстинктов издавна порождала теории об их “разумности”. Однако со временем эти теории уступили место прямо противоположным оценкам. Стали говорить о “слепоте”, “машинообразности” инстинктов. Поводом послужили опыты, в которых человек вмешивался в естественный ход жизни животных.

Так, в своих наблюдениях Фабр, а затем многие из его последователей обнаружили следующий общий факт: если лишить смысла какое-то инстинктивное действие насекомого, оно все равно завершает его и переходит к следующему.

Например, гусеницы соснового шелкопряда обычно в поисках пищи движутся длинными колоннами друг за другом, руководствуясь шелковистой нитью, которую оставляет первая из них - “вожак”. По этой же нити они возвращаются “домой”. В отличие от остальных “вожак” движется медленно, совершая поисковые, ощупывающие движения в разных направлениях. Если нить почему-либо прерывается, “вожаком” становится любая гусеница, оказавшаяся впереди.

Фабр дает возможность вползти длинной колонне гусениц на верхний край кадки из-под цветов. Первая гусеница, достигнув этого края, начинает ползти по нему, описывая окружность; остальные движутся за ней. Когда первая проходит полный круг и натывается на очередную гусеницу, выползающую на борт, Фабр сметает всех остальных гусениц с боковой стенки кадки и щеточкой тщательно стирает нить, оставленную на ней гусеницами.

Теперь “вожак”, обнаружив нить, смело следует за последней гусеницей. Колонна гусениц замыкается в круг и начинает бесконечно кружить по краю кадки. Они не могут найти пищу, которая лежит рядом, не могут вернуться “домой”. По существу, гусеницы обречены на голодную смерть. Фабр наблюдал их кружение в течение 7 суток!

Вместо “разумности” инстинктов следует говорить о биологической целесообразности инстинктов, а вместо “слепоты” - об их фиксированности, или ригидности.

Нужно иметь в виду, что ригидность инстинкта тоже целесообразна: она отражает приспособленность животного к постоянству определенных условий его обитания.

Многими исследователями отмечается также непреодолимость и даже “принудительность” инстинктивных действий.

Остановимся на современных представлениях о механизмах инстинктов. Согласно этологической теории, инстинкт обусловлен действием как внешних, так и внутренних факторов. К внешним факторам относятся специальные раздражители, которые получили название “ключевых стимулов”.

К настоящему времени изучено большое количество ключевых стимулов у многих видов животных. Как оказалось, в этой роли могут выступать сигналы любой модальности: цвета, запахи, звуки, зрительные формы, движения и т.п. В естественных условиях обычно действуют несколько признаков, объединяясь в “пусковую ситуацию”.

В ходе исследований было открыто интересное явление действия сверхстимулов, или сверхоптимальных стимулов. Так, например, чайка предпочитает “высиживать” макет яйца в 10 раз больший, чем ее собственное яйцо, оставляя последнее без внимания.

К внутренним факторам относится эндогенная стимуляция центров инстинктивных действий, которая приводит к понижению порога их возбуждения.

Очень показательны в этом отношении факты расширения спектра раздражителей, вызывающих инстинктивные действия, и особенно факты спонтанного возникновения последних.

Согласно модели К.Лоренца, обычно, т.е. в отсутствие крайнего обострения потребности, эндогенная активность центров инстинктивных действий заторможена, или блокирована. Адекватные стимулы снимают эту блокировку.

В настоящее время значительно изменились взгляды и на важный, давно дискутируемый вопрос о соотношении инстинкта и научения.

Раньше формы поведения, основанные на инстинкте и на научении, противопоставлялись. Считалось, что инстинктивные действия жестко запрограммированы, и животное способно к их реализации без всякой индивидуальной “доводки”.

Согласно современным данным это далеко не так. Показано, что многие инстинктивные действия должны пройти период становления и тренировки в ходе индивидуального развития животного. Такая форма получила название **облигатного (т.е. обязательного) научения**.

Пример облигатного научения представляют собой полеты птиц. Все птенцы сначала пытаются взмахивать крыльями и только некоторое время спустя поднимаются в воздух. Однако их полеты, и особенно приземления, на первых порах очень несовершенны.

Итак, многие инстинктивные акты “дотраиваются” в индивидуальном опыте животного, и можно сказать, что такая дотройка тоже запрограммирована. Она обеспечивает прилаживание инстинктивного действия к условиям среды. Конечно, пластичность инстинктивного действия при этом ограничена и определяется генетически заданной “нормой реагирования”.

Гораздо большую пластичность поведения обеспечивает **факультативное научение**. Этим термином обозначается процесс освоения новых, сугубо индивидуальных, форм поведения. Если при облигатном научении все особи вида совершенствуются в одних и тех же (видеотипичных) действиях, то при факультативном научении они овладевают индивидуально-особенными формами поведения, приспособляющими их к конкретным условиям существования индивида.

По существу, всякое действие животных представляет собой сложное переплетение видотипичных и приобретенных элементов поведения.

Дело в том, что каждый поведенческий акт состоит из двух основных фаз: поисковой (или подготовительной) и завершающей.

Первая фаза обычно начинается с эндогенной активации и проявляется в общем беспокойстве и поисковых действиях животного - ненаправленных локомоциях, обследовании обстановки и т.п. Обычно в результате такой активности происходит встреча животного с ключевыми стимулами, которые включают собственно инстинктивное действие, а чаще целую цепь таких действий.

Важнейший найденный факт состоит в том, что наибольшей пластичностью поведение обладает в поисковой фазе. Именно здесь животное находит и осваивает новые способы поведения. Напротив, чем ближе к завершающей фазе, тем более стереотипными становятся движения; в самой завершающей фазе они приобретают те свойства стереотипности и принудительности, о которых шла речь выше.

“Удельный вес” поисковой и завершающей фаз в различных поведенческих актах может быть различным даже у одного и того же животного. Но общее правило состоит в том, что чем выше психическая организация животного, тем более развернута и продолжительна поисковая фаза, тем более богатый и разнообразный индивидуальный опыт животное может приобрести.

Очень важно отметить, что такой опыт часто накапливается впрок.

Все сказанное до сих пор об инстинктах животных чрезвычайно важно для понимания биологической предыстории специфически человеческих форм

поведения. К ним относятся прежде всего язык и общение животных, а также использование ими орудий.

Язык животных представляет собой сложные системы сигнализации. Его важнейшее отличие от языка человека состоит в отсутствии у него семантической функции. Это значит, что элементы языка животных не обозначают внешние предметы сами по себе, их абстрактные свойства и отношения. Они всегда связаны с конкретной биологической ситуацией и служат конкретным биологическим целям.

Другим отличием языка животных является его генетическая фиксированность. В результате он представляет собой закрытую систему, которая содержит ограниченный набор сигналов, хотя количество сигналов может быть довольно большим. Так, например, у кур расшифровано около 20 различных сигналов, у человекообразных обезьян - до 90.

Можно вполне сказать, что каждая особь в животном мире от рождения знает язык своего вида. Знание же языка человеком формируется прижизненно, в ходе общения его с другими людьми. В отличие от языка животных язык человека - открытая система: он непрерывно развивается, обогащаясь новыми понятиями и структурами.

Особенно сложные формы обобщения наблюдаются у животных, живущих в сообществах. Главное, что отличает групповое поведение животных от общественной жизни человека - это подчиненность ее исключительно биологическим целям, законам и механизмам.

Групповое поведение животных закреплялось естественным отбором; фиксировались только те его формы, которые обеспечивали лучшее решение прямых биологических задач - питания, самосохранения и размножения.

Человеческое же общество возникло на совершенно другой основе - на основе совместной трудовой деятельности, не известной и не доступной животным. Как в своем индивидуальном развитии, так и в общественной жизни, человек вышел из-под власти биологических законов и с определенного момента антропогенеза стал подчиняться законам социальным.

Производительный труд стал возможным благодаря использованию орудий. По словам Ф. Энгельса, "труд начинается с изготовления орудий" [7, т. 20, с. 491]. Поэтому орудийная деятельность животных рассматривается как одна из биологических предпосылок антропогенеза.

Однако использование животными орудий является одной из форм биологической адаптации. Она имеет лишь внешнее сходство с трудовыми действиями человека.

В заключение перечислим главные особенности психической деятельности животных, отличающие ее от психики человека.

1. Вся активность животных определяется биологическими мотивами. Это хорошо выражено в часто цитируемых словах немецкого психолога А. Гельба: "Животное не может делать ничего бессмысленного. На это способен только человек" [цит. по: 8, с. 5].

2. Вся деятельность животных ограничена рамками наглядных конкретных ситуаций. Они не способны планировать своих действий, руководствоваться "идеально" представляемой целью. Это проявляется, например, в отсутствии у них изготовления орудий впрок.

3. Основу поведения животных во всех сферах жизни, включая язык и общение, составляют наследственные видовые программы. Научение у них ограничивается приобретением индивидуального опыта, благодаря которому видовые программы приспособляются к конкретным условиям существования индивида.

4. У животных отсутствуют закрепление, накопление и передача опыта поколений в материальной форме, т.е. в форме предметов материальной культуры.

Литература

1. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1988.
2. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1982.
4. Северцов А.Н. Эволюция и психика//Собр соч. в 3 т. Т.3. М. - Л., 1945.
5. Фабри К.Э. Основы зоопсихологии. М., 1976.
6. Лоренц К. Кольцо царя Соломона. М., 1980.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
8. Лурия А.Р. Курс общей психологии: Лекции. Эволюционное введение в психологию. М., 1970.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

- 1. Составьте логическую схему базы знаний по теме юниты.*

2. Выберите правильный ответ:

а) Зарождение научной психологии связано с именем

- 1) Павлова
- 2) Вундта
- 3) Декарта
- 4) Уотсона

б) Главное отличие научной психологии от житейской состоит в

- 1) использовании научных понятий
- 2) видении в малых фактах отражения общих принципов
- 3) проведении экспериментов
- 4) отказе от интуитивного знания

в) Если ребенок не хочет идти в школу, то родитель должен его показать специалисту, занимающемуся

- 1) социальной психологией
- 2) возрастной психологией
- 3) педагогической психологией
- 4) общей психологией

3. Составьте таблицу, где в первой графе сами придумайте определения следующих понятий, а во второй графе выпишите определения этих понятий из словаря.

№ п/п	Понятие	Житейское понятие (даёте свое определение)	Научное понятие (выписываете из словаря)
1	Психика		
2	Психология		
3	Сознание		
4	Поведение		
5	Душа		
6	Активность		
7	Бессознательное		
8	Установка		
9	Деятельность		
10	Операция		
11	Чувственность		
12	Стимул		
13	Отражение		
14	Адаптация		

Проанализируйте разницу между научными и житейскими понятиями.

4. В тематическом обзоре приведены примеры зависимости результатов научного психологического исследования от его основных теоретических предположений. Попробуйте привести примеры подобной зависимости в обыденном психологическом знании на основании собственного жизненного опыта.

5. Знаменитый в свое время гипнотизер Вольф Мессинг, с успехом выступавший на эстраде, обладал среди прочего уникальной способностью “читать

мысли” других людей. Для научного объяснения этой способности обратимся к одному из видов движений, называемых идеомоторными. Вот простой опыт, свидетельствующий об их существовании, так называемый “опыт с маятником”.

Возьмите небольшой грузик на нити, раскачайте его в определенной плоскости как маятник и зафиксируйте положение руки. Теперь представьте, что грузик вращается, скажем, по часовой стрелке. И действительно, спустя некоторое, довольно короткое время, вы замечаете (не правда ли?), что грузик начинает двигаться в “заданном” направлении (если сообщить ему достаточно большую энергию, то таким же “усилием мысли” направление можно изменить). Дело в том, что при мысли о движении действительно возникают (непроизвольно, автоматически) едва заметные, вызванные мыслью, идеей идеомоторные движения, соответствующие этой мысли.

Мессинг обладал высокой чувствительностью к таким движениям. Во время представления, он, слегка удерживая своего “перципиента” за руку, заставлял его постоянно думать о поставленной задаче. Как правило, это были маршрутные задачи - пройти по залу в определенное место, взять там какой-нибудь предмет и т.п. Едва заметные, но воспринимаемые Мессингом идеомоторные движения руки и выдавали задуманный зрителем маршрут. Сам Мессинг знал об этом объяснении его способности, но не относился к нему серьезно: он просто считал себя человеком, обладающим исключительным умением чувствовать мысли окружающих людей.

Обсудите вопрос о том, являлась ли эта уверенность менее достоверным психологическим фактом, чем существование идеомоторных движений. Могло ли ее отсутствие привести к потере особой чувствительности к ним? Попробуйте рассмотреть различные точки зрения и обосновать собственный ответ.

6. Проведите сравнительный анализ представлений о душе в античной философии с помощью составления следующей таблицы.

Впишите имена мыслителей и дайте краткую характеристику (определение) души с точки зрения античных философов.

Насколько актуальны, по Вашему мнению, эти взгляды сегодня?

Представления о душе, близкие к материализму	Представления о душе, близкие к идеализму
1.	1.
2.	2.
3.	3.

7. Приведите примеры облигатного и факультативного научений, которые Вам встречались. Опишите их основное отличие.

8. Опираясь на тематический обзор и дополнительную литературу, изучите шесть основных форм существования психологии: 1) психология как наука о душе, 2) о сознании, 3) о поведении, 4) о бессознательном, 5) о деятельности и 6) психотерапия. Обратите особое внимание на предмет и метод исследования.

Заполните таблицу.

№ п/п	Направление психологии	Предмет исследования	Метод исследования
1	Наука о душе		
2	О сознании		
3	О поведении		
4	О бессознательном		
5	О деятельности		
6	Психотерапия		

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

ЮНИТА 1

ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА. ПРИРОДА И КАЧЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА

Редактор Н.М. Пилипенко
Оператор компьютерной верстки И.Ю. Маслова

Изд. лиц. ЛР № 071765 от 07.12.1998
НОУ “Современный Гуманитарный Институт”
Тираж

Сдано в печать

Заказ

Современный Гуманитарный Университет